

Анна Эйч

Любовь всегда
была частью
плана

Лёд & Кофе

18+

Анна Эйч

Лёд & Кофе

<https://litres.ru/74631283>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ками: Я работаю бариста и каждый день обеспечиваю будущих звёзд хоккея кофеином. То есть почти спасаю жизни. Но моя настоящая мечта — блестящая карьера в ресторанном бизнесе. У меня всё под контролем, кроме навязчивой идеи моих родителей выдать меня замуж. И как я, взрослая и мудрая женщина, решаю эту проблему? Правильно. Вру, что уже встречаюсь с кем-то.

Оуэн: У меня есть всё: безлимит на карте, лидирующая позиция в команде и внимание самых горячих девчонок университета. Живи и радуйся. Только мало кто знает, что статус золотого мальчика давит сильнее бетонных тисков. Мне кажется, стоит людям узнать меня лучше, и они тут же увидят за сверкающей оболочкой пустышку. Я никого не подпускаю близко, кроме одной хорошенькой бариста, которой почему-то готов доверить любой свой секрет и даже стать её фиктивным парнем.

Содержание

Пролог.	4
Глава 1. Растворяясь в толпе	8
Глава 2. Всё дело в мужчине	15
Глава 3. Базовый минимум	22
Глава 4. Второй пилот	29
Глава 5. Ловушка	38
Глава 6. Равноценная сделка	51
Глава 7. Свидание	60
Глава 8. Предложение	77
Глава 9. Я не ревную	87
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Лёд & Кофе

Пролог.

Оуэн.

Титаны нас знатно потрепали, но мы выжили.

На последних минутах Хантер закатил шайбу и избавил всех от необходимости умирать на льду в овертайме. И, честно, я не уверен, что мы бы вывезли еще хотя бы один период этой возни и попыток доказать, что мы в полной боевой готовности.

К сожалению, мозгов в наших головах не так много, и вчерашнюю ночь мы провели на вечеринке, а не сладко отсыпались перед игрой. Мы чудом не слили матч. Иначе выносить нас пришлось бы ногами вперед прямо из раздевалки, потому что Ченинг нас бы точно прибил.

— Эй, Оуэн, ты с нами? — Миллер запускает в меня перчаткой, чтобы я включился в разговор.

Парни как раз планируют всей толпой завалиться к нему и рубиться в приставку.

— Боюсь, наш влюбленный птенчик сегодня выберет бой другого характера, — смеется Коул, стягивая джерси под номером семнадцать. — Пойдет бомбить сердце знойной баристы.

— Малышку Ками? — ржет Пол.

Я не отвечаю. Подколки парней по поводу девчонок только подогревают мой интерес. Еще не было той, которая бы мне отказала, так что и эта принцесса Жасмин не станет исключением.

— А вы знали, что у нее пунктик на тему секса?

— Какой?

— Говорят, она планирует заняться им только после свадьбы.

— Да ладно!

— Гонишь?

Раздевалка взрывается хохотом.

— Оуэн, можешь не стараться, тебе все равно ничего не перепадет, — добавляет Скотт, похлопывая меня по плечу.

— Зачем нам твое униженное эго и без того плохая игра в нападения?

Скотт Деверо уже знатно достал меня, он главная причина почему я до сих пор в студенческой лиге, вместо того чтобы играть в «Лаваль Рокет» и прокладывать свой путь в НХЛ. С его приходом стычек стало больше. Тренер недоволен мной, я начинаю нервничать и, как следствие, совершаю глупые ошибки. А этот ублюдок только и ждет, когда я оступлюсь: постоянно провоцирует, лезет на рожон и делает вид, что мы просто старые приятели, которым не повезло разойтись по разные стороны одной истории.

— Я как-нибудь справлюсь без советов девственника.

— Ох-ох, прям задел за живое. Макалистер, ты бы по-

учился стендапу у своего друга, а то звучишь совсем отчаянно.

— Свали нахрен!

— Оуэн, я же по-дружески хочу убереечь тебя от публичного позора, — Скотт расплывается в мерзкой улыбке. — Когда эта восточная цыпочка отошьет тебя при всей команде.

Я резко хлопаю дверцей шкафчика и поворачиваюсь к нему всем корпусом.

— Ты чего добиваешься?

— Воу-воу, полегче.

— Оуэн, остынь! — ко мне тут же подлетает Кросс, главный миротворец нашего двора.

— Не лезь, Райли, — гаркаю я на сокомандника.

Задолбали они гасить меня каждый раз, как только я пытаюсь ответить этому напыщенному индюку.

— Эй, бро... — тянет Хантер, но я пресекаю его попытку одним взглядом.

— Так чего ты хочешь, Скотти? — специально коверкаю его имя, зная, как он ненавидит это прозвище. — Тоже на Камиллу глаз положил и бесишься, что она отшила такого недоумка?

Придурок демонстрирует мне оскал безупречных зубов. Будто он не хоккеист, а гребаная звезда порнофильмов.

Хм. Ему бы пошло.

— Больно нужна мне эта невзрачная монашка.

Я ощущаю странный укол в груди, и мне вдруг очень хочется врезать ему по морде. Не то чтобы раньше не хотелось, но сейчас — сильнее. Его пренебрежительное оскорбление девушки, с которой я всего пару раз поговорил, выбешивает меня сильнее, чем должно.

— Тогда свали и не отсвечивай.

— А если не свалю?

— Я тебя убегу, — почти угрожающе выплевываю ему в лицо.

— Хм, — скалится ублюдок.

— Ребята, ну хватит, — снова начинает Райли.

— Предлагаю пари, — вдруг выпаливает Деверо. — Если завалишь девчонку до плей-офф, я самолично свалю из команды.

Я прищуриваюсь, пытаюсь понять, в чем подвох.

— Свалишь?

— Да.

— А если нет?

Скотт делает шаг ближе. В раздевалке становится так тихо, что слышна работа втяжки в душе.

— Если ты не предоставишь доказательства, что эта крепость пала, то...

— Что?

Его оскал становится ещё шире.

— Из команды уходишь ты.

Глава 1. Растворяясь в толпе

Оуэн.

Дом стоит на ушах.

Музыка долбит так, что вибрируют стекла на втором этаже. В гостиной кто-то орет припев мимо нот, на кухне из высокого острова уже сделали импровизированный бар: бутылки, стаканы, лед, липкие разводы текилы на мраморе. В другом конце дома парни гоняют шары на бильярдном столе, спорят на деньги и матерятся так громко, будто это финал Кубка Стэнли, а не партия между двумя пьяными идиотами.

Хоккеисты, фигуристки, девчонки с факультетов, которых я даже не знаю, чьи-то друзья, друзья друзей — полный набор для вечеринки в доме богатого ублюдка, чьи родители снова в отъезде.

Это я про себя, если что. Приятно познакомиться, мой дом к вашим услугам.

Но сейчас меня вся эта тусовка не особо интересует, потому что передо мной распласталась первокурсница, которая прямым текстом подошла и предложила мне себя. Обычно я стараюсь обходить стороной настолько молоденьких красоток. Они только поступили в наш университет и могут не знать основных правил игры.

А правила у нас такие.

Первое — я не встречаюсь, не завожу отношения и не хо-

жу на свидания. Поэтому после того, как потрахались, никаких печальных глаз и попыток поговорить по душам.

Второе — сначала кончает девушка, потом я. Исключением может быть только ситуация, когда мы кончаем одновременно, но это как вытянуть игрушку из автомата: бывает редко, зато эмоции незабываемые.

И третье — никаких сообщений в попытке вывести меня на флирт или вытянуть на встречу. Заняться сексом в переписке — допустимо. Обсуждать родителей, планы на жизнь и хобби — до свидания. У меня нет ни времени, ни желания открываться кому-то.

Итого: Руби или Рейвен, я так и не запомнил, сегодня видит мой член, скорее всего, первый и последний раз в жизни. Зато она начнет учебный год с действительно ярких впечатлений и качественного секса, после которого все остальные будут казаться ей пресной постной едой.

Что поделать. Издержки «профессии».

Я натягиваю ее волосы и сильнее вбиваюсь сзади. Она хорошо чувствует ритм, толкается мне навстречу, увеличивая глубину. Через несколько движений я перехожу на быстрый темп. Руби мычит, и я решаю расщедриться — подарить девочке третий оргазм. Наваливаюсь на нее всем телом, теряя немного в собственном удовольствии, кладу пальцы на ее клитор и начинаю массировать, продолжая трахать ее под другим углом.

Писк девушки — лучшее, что я мог придумать в данной

ситуации для своего члена. Она начинает извиваться, мять простыни, громко дышать.

— Отлично, детка, но мне нужно больше, — похотливо усмехаюсь, фиксирую ее бедра каменной хваткой и жестче насаживаю на себя, чтобы закончить начатое.

— Ох... да...

Ну наконец-то.

Я кончаю в презерватив и заваливаюсь рядом. Судороги Руби к этому моменту стихают, оставляя на ее лице довольную улыбку.

— А ты хорош, — хихикает она, подпирая голову рукой.

— Ты тоже. Было весело.

— М-м... — она откидывается на спину и мечтательно смотрит в потолок. — Может быть, повторим как-нибудь?

— Предпочитаю заканчивать на высокой ноте.

— То есть лучше уже не сделаешь? — она бросает на меня хитрый взгляд, но подобных провокаций я слышал больше, чем могу сосчитать.

— Куда мне. Я выдал свой максимум, детка, поэтому пощади старика. Найди себе кого-то помоложе и выносливее.

Подмигнув, я встаю с постели и, дав ей возможность в последний раз полюбоваться моей задницей, ухожу в душ.

— Ты просто напрашиваешься на комплименты! — хихикает она мне вслед.

Я стою под струями воды и надеюсь, что Руби понятливая, и когда я вернусь, ее уже здесь не будет.

Вечеринка в разгаре. Самое время выйти к парням и контролировать, чтобы они не разнесли дом в пьяном угаре. Родители часто в разъездах, отсутствуют неделями, а то и месяцами, поэтому я могу безнаказанно устраивать самые отвязанные тусовки без всякого страха, что нас спалят.

Смыв с себя остатки усталости, я тянусь к крану, чтобы выключить воду, но тут передо мной материализуется Руби.

— Детка, я не готов ко второму раунду.

Делаю вид, что не могу, хотя правда в том, что просто не хочу. Для еще одного траха она слишком простая, что ли. Понятная.

— А тебе ничего не придется делать.

С этими словами она опускается на колени и уверенно берет мой член в руку.

Мои сопротивления здесь бесполезны, ведь главный участник этого шоу моментально приходит в вертикальное положение и с огромным удовольствием юркает в теплый ротик блондинки.

Ладно. Пожалуй, еще один заход я могу себе позволить. Надеюсь, плазма в гостиной останется цела к тому времени, когда я наконец выберусь из своей комнаты.

Спускаясь по лестнице, я вижу, что почти все присутствующие сосредоточились в гостиной и наблюдают за чем-то в центре комнаты. Подойдя ближе, замечаю: это Unit Crew устроили танцевальное шоу. Я и не сомневался, что рано или

поздно они запрыгнут на стол и начнут впечатлять всех вокруг. У этих ребят любовь к шоу в крови.

Зачинщиками, как всегда, стали Тоби и Дон. Потом к ним присоединилась Марта, сестра Дона, а следом — новенькая. Сена Золотова. Фигуристка. Кажется, метит в сборную, как и Мередит Лэнгтон — девчонка, с которой путается Деверо. — Зена, королева воинов, покажи класс! — орет Миллер.

Пол вообще влюблен в экспромты Золотовой. Именно он показал Хантеру ее выступление на Гран-при, где малышка умудрилась вставить в программу демонстрацию среднего пальца для Мередит. После этого Коул решил, что обязан её трахнуть.

В общем, звезды сошлись. Если мой друг все верно обыгрывает, то, вероятно, сегодня завалит будущую олимпийскую чемпионку.

— Эй, кажется, там в дверь звонят, — какая-то девчонка касается моего плеча и указывает на коридор.

Я не хочу отрываться от шоу, но как хозяин дома обязан проверить, кого еще к нам принесло. Надеюсь, это не полицейские.

Распахиваю дверь и вижу Курта Максвелла.

Сказать, что я охренел, — ничего не сказать.

— Док, какими судьбами? — улыбаюсь, хотя внутри зарождается дикий страх.

Я собственного отца так не уважаю, как Курта. Один его недовольный взгляд — я и чувствую себя подростком без

МОЗГОВ.

— Оуэн, а я смотрю, тебя жизнь ничему не учит.

Фраза заставляет меня мгновенно протрезветь и взглянуть на происходящее в доме под другим углом.

Зачем я это делаю?

Вот если отбросить бесконечную жалость и ненависть к себе, желание выбесить отца и сделать свою жизнь еще более никчемной... то зачем? Я мог бы провести этот вечер в тишине, за просмотром сериала и с банкой пива. Если бы захотел потрахаться — набрал бы Эмми. Если бы мне нужна была компания, уверен, Райли или Пол с удовольствием сыграли бы со мной в приставку.

Но я выбираю шумную вечеринку. Настолько громкую и безответственную, чтобы не чувствовать себя в ней главным. Потерять контроль. Раствориться в толпе. Дать этой стихии нести меня по течению и не принимать никаких верных решений.

Одним словом, я всегда выбираю спрятать голову в песок вместо того, чтобы становиться взрослым.

Курт Максвелл требует привести к нему Сену, и я покорно соглашаюсь. Даже чувствую себя в каком-то смысле спасителем. Сена очень молода. У нее впереди большое будущее. Ей не место на этой шумной и лишенной мораль тусовке, не стоит тратить свое время на таких, как мы. Пусть хоть у кого-то на этой пропащей вечеринке хватит смелости дойти до конца и откусить свой кусок пирога под названием «успех».

Спустя несколько часов в доме становится тихо.

Утром придет клининг и превратит это гнездо раздора обратно в элитный дом уважаемого бизнесмена Дэвида Макалистера и его идеальной, утонченной жены Лии Макалистер.

Я сижу на крыльце с банкой пива. За моей спиной хлопает дверь, и появляется Коул.

— Не планируешь спать сегодня? — спрашивает он, доставая ключи.

— Ты что, за руль собрался садиться? — отвечаю вопросом на вопрос, потому что его решение поехать пьяным явно важнее моей бессонницы.

— Нет, конечно. Я сделал один глоток вина.

— Серьезно? — хмурюсь, уверенный, что друг врет. — Ты же весь вечер ходил со стаканом.

— Не верь всему, что видишь, — бросает он и садится в свой старый пикап.

Когда он уже сменит этого монстра на что-то более приличное?

Глава 2. Всё дело в мужчине

Ками.

Закончив с сиропами и заодно пометив, какие закупки необходимо сделать сегодня, я снова возвращаюсь к кассе, чтобы принять очередной заказ.

Точнее, пытаюсь вернуться.

Потому что Тони, второй бариста на смене, оставил после себя не рабочую зону, а место преступления. На питчере застывшее молоко, под кофемашиной липкие разводы, салфетки закончились еще полчаса назад, а контейнер с трубочками выглядит так, будто по нему прошелся ураган.

Я тяжело вздыхаю, одной рукой поправляю стопку стаканов, второй убираю грязный джиггер в мойку, взглядом отмечаю почти пустую бутылку ванильного сиропа и мысленно добавляю ее к списку закупок. Заодно проверяю таймер на кофемашине, потому что если сейчас еще и эспрессо начнет горчить, я лично закопаю Тони за мусорным баком.

Улыбка на лице при этом остается идеальной.

Гостям не обязательно знать, что за барной стойкой происходит маленький управленческий апокалипсис.

— Что для вас?

Передо мной две молодые девушки, скорее всего, первокурсницы. На часах девять утра, а они выглядят так, будто сошли с обложки модного журнала: волосы уложены, гла-

за подчеркнуты нарощенными ресницами, губы блестят, открытая полоска живота, сверху короткая куртка — идеальный образ, когда знаешь свои сильные стороны и выгодно их подчеркиваешь.

Девушки очень красивые и ухоженные, но как будто чужестранцы для утра понедельника. Или это во мне говорят мои комплексы?

Выглядят как русские. Их всегда можно распознать по модной одежде и трендовому макияжу, будто не по холодному Монреалю идут, а снимаются в современном клипе про красивую жизнь.

Еще до того, как девушки произносят заказ, я уже открываю на кассе раздел с матчей.

И знаете, что они заказывают?

— Айс-матчу с клубникой и овсяным молоком, пожалуйста, — говорит блондинка.

— А мне матча-латте с ванилью на кокосовом, — добавляет её подруга.

Как «оригинально».

— Как вас зовут? — спрашиваю, нацелившись маркером на пустой стакан.

— Рейвен и Вивьен, — отвечает блондинка, нежно улыбаясь.

Я пробиваю заказ, отдаю чек, ставлю два стакана на стойку и параллельно протираю ложку для матча, которую Тони, видимо, считал одноразовой. Потом засыпаю порошок,

добавляю немного горячей воды, быстро взбиваю венчиком до гладкой зеленой пены и краем глаза смотрю, как у стойки начинает собираться новая очередь.

Далее я становлюсь для них предметом декора, девушки смело начинают обсуждать свои новости, не обращая на меня никакого внимания.

— Так что было на этой вечеринке? Ты Хантера видела? Он был с кем-то?

— Вив, я была немного занята. Не до твоего Хантера было.

— Подожди! У тебя... То есть ты... Стоп! У тебя получилось поговорить с Макалистером?!

— Лучше. Мы с ним зажигали всю ночь!

Писк, восторг, радость и новая сплетня о том, какой Оуэн Макалистер бог в постели и красавчик на льду. Я уже могу написать книгу о его похождениях. Получится неплохой эротический роман для чтения в овуляцию.

— И как это было? Я хочу знать всё!

Господи, избавь меня от подробностей. Молю.

Я вливаю клубничный соус на дно первого стакана, добавляю лед и овсяное молоко. Сверху аккуратно пускаю матчу, чтобы получился красивый зеленый слой.

— Ну, начнем с того, что он просто ненасытный.

— Вау! То есть прям не могла встать с кровати?

Я едва не роняю крышку.

— Ну, он говорил, что я очень горячая и не может мной

насладиться.

— Как же тебе повезло... — тянет её подруга. — Я тоже хочу встречаться с кем-то из команды.

— С кем-то или конкретно с Коулом Хантером?

— Тише, мало ли его кто-то знает здесь.

— Вот он удивится, что кто-то по нему сохнет, — саркастично комментирует Рейвен.

И в этот момент она уже не кажется мне такой красивой, как в начале.

Нельзя так пренебрегать тайной подруги. Даже если тайна нелепая и, скорее всего, никого не интересует. Я беру второй стакан, добавляю кокосовое молоко, ваниль, лед и сверху — свежевзбитую матчу. Одновременно успеваю кивнуть парню из очереди.

— Так что, вы с Оуэном теперь вместе? — спрашивает Вивьен с любопытством.

Переходим к драматичной части спектакля.

— Не то чтобы вместе. Он, знаешь, такой...

— Какой?

— Не любит афишировать свои отношения. Как рок-звезда. Пытается быть для всех и ни с кем.

Ну, как общественный туалет — хочется добавить мне.

— В этом его шарм...

В этом его главная проблема: он трахает все, что движется, а мне потом приходится выслушивать сначала восторженные рассказы о том, как было здорово, а потом плач о

том, какой он мудака, что не перезвонил.

— А какой у него... ну, член большой? — понизив голос, спрашивает Вивьен.

Блондинка открывает рот, чтобы, судя по всему, описать его в красках, но я прерываю ее:

— Напитки для Вивьен и Рейвен!

— О, спасибо! — девушки беззаботно забирают стаканы и уходят из кофейни, продолжая обсуждать член Макалистера.

«Отличная» тема для утра понедельника.

Я натираю барную стойку и поглядываю на телефон, чтобы прочитать сообщения от Такера Хейза, владельца кофейни.

Устраиваясь в Echo Coffee, я преследовала очень конкретную цель — быстро вырасти. Хэйз сторонник того, чтобы выращивать сотрудников внутри компании, а я как раз из тех, кто не боится работать в полях ради цели и понимания бизнеса изнутри.

Мы сошлись на том, что я начну как бариста. Но параллельно буду вникать в тонкости управления кофейней и выполнять дополнительные задачи, которые однажды позволят мне конкурировать за место менеджера. Поэтому, пока Тони считает подвигом просто не опоздать на смену, я проверяю остатки сиропов, отмечаю, какие позиции проседают по продажам, и думаю, как переставить витрину так, чтобы люди чаще брали десерты к кофе.

— Ками, привет! — за стойкой материализуется Ксю. Или Сена, как ее привыкли называть здесь. Русская фигуристка и моя подруга с первой нашей встречи. — Я планирую сегодня умереть на беговой дорожке, поэтому заслужила вон то пирожное.

— Привет. Как тренировка? — приветствую подругу и открываю витрину.

— Как обычно, мимо меня, — бросает она.

Но в голосе ни капли грусти. Наоборот, что-то изменилось. Здоровый румянец, сверкающий взгляд и улыбка, которая будто приклеилась к ее лицу и не собирается исчезать.

— Ты прямо светишься, — замечаю я, подавая ей пирожное. — Кто он?

— Кто? — Ксю испуганно выкатывает на меня глаза.

— Мужчина, — поясняю я и, тихо усмехнувшись, добавляю: — Ты чего так испугалась? Так просто говорят. Мол, когда женщина счастливая, значит, влюбилась.

— То есть счастье женщины зависит от мужчины?

— Нет. Может быть в этом контексте — да. Но не надо все переворачивать в какой-то патриархальный смысл.

— Я просто в хорошем настроении, — поясняет Ксю. — И мужчина здесь ни при чем. Я ни с кем не встречаюсь!

Последнюю фразу она произносит с таким нажимом, будто пытается убедить в этом не только меня, но и себя заодно.

— Ладно, поняла, — принимаю ее версию и решаю больше не спорить.

Все-таки она что-то скрывает.

И, скорее всего, это связано с мужчиной.

Глава 3. Базовый минимум

Оуэн.

С третьего периода игра окончательно перестала быть похожей на хоккей и начала напоминать коллективную попытку убить друг друга.

Сегодня мы играем против «Оттава Риверс», но честно говоря, больше похоже что против Скотта Деверо, собственного нападающего. Он играет за «Монреаль Лайонс», но делает всё, чтобы вывести из строя ключевого игрока своего звена — меня.

Счёт был равный — 2:2. До конца оставалось чуть меньше семи минут, и каждая смена накаляла ситуацию на льду всё сильнее.

«Риверс» играли жёстко, но грамотно, не махали клюшками, не лезли в драку, зато мастерски душили по зонам: встречали высоко, перекрывали центр, заставляли выносить шайбу через борт и тут же накрывали на подборе. Их защитник весь матч висел на мне так навязчиво, будто нам с ним под венец идти после игры.

Я уходил от него корпусом, отталкивался бедром, разворачивался на коньке, ловил шайбу у борта и пытался найти продолжение атаки.

Но каждый раз, когда продолжением должен был стать Деверо, всё превращалось в фарс. Я открывался под передачу в

правом полукруге — он бросал сам, хотя угол был мёртвый. Я уходил за спину защитнику — он переводил шайбу назад, в никуда, лишь бы не на меня.

Я попытался дать ему идеальный пас в разрез, за который в нормальной команде обычно благодарят, а не демонстрируют свою тупость, задерживая шайбу и, как следствие, теряя её под силовым ударом.

— Макалистер, быстрее принимай решения! — рявкнул тренер.

Я резко обернулся к скамейке, чувствуя, как под шлемом закипает кровь.

Серьёзно?

Деверо сливает третью атаку подряд, а виноват я, потому что недостаточно изящно существую рядом с его идиотизмом?

Скотт проехал мимо и коротко ударил меня плечом. Не сильно, но достаточно, чтобы я обратил на него внимание.

— Что, Макалистер? Колено опять ноет?

— Кулак ноет разбить тебе нос.

Я сжал клюшку так, что заболели пальцы в перчатке. Ещё секунда — и я бы влетел в него.

— Не ведись, — тихо произнёс Коул, проезжая мимо.

Да плевать! Я начал играть так, будто у нас на льду четыре человека вместо пяти. Коул выиграл борьбу у борта и отдал мне короткий пас в нейтральной зоне. Я принял шайбу на ход, ушёл от первого защитника корпусом, второго заставил

раскрыться ложным замахом и резко сместился влево. Вратарь «Риверс» чуть дёрнулся, ожидая броска в дальний угол.

Я мог бросить, но увидел Хантера.

Коул шёл параллельно, на полшага позади, и защитник, между нами, слишком поздно понял, что закрыл не ту линию. Я отдал передачу в касание, наугад, просто доверившись движению.

Хантер бросил.

Вратарь отбил.

Шайба отскочила прямо перед воротами.

И в эту секунду я на мгновение оглох. Не было ни ревущих трибун, ни стука клюшек о лёд — только я, шайба и открытый угол.

Клюшкой поддеваю шайбу. Короткое добивание — и самый приятный момент в игре: содрогающаяся сетка от мощного удара куска резины.

3:2.

— Вот так, мать твою! – орет Хантер налетая на меня на всей скорости.

Потом О'Коннор ударил меня по спине, Миллер схватил за плечи, а Райли готов был поцеловать в засос, удерживая мёртвой хваткой за шлем. Я видел тренера у скамейки, он хлопал, но сдержанно, будто боялся признать, что я сделал ровно то, чего от меня ждали.

Последние минуты мы дожимали как могли. Выносили шайбу из зоны, ложились под броски. «Риверс» сняли вра-

таря за сорок секунд до сирены, пошли в шесть полевых, устроили у наших ворот настоящий хаос, но мы выстояли.

Выйдя с арены, я впервые за долгое время не почувствовал пустоту после игры. Только жар под кожей, приятную усталость в ногах и промокшую насквозь форму — всё это признаки настоящей живой игры. Сегодня я ничего никому не доказывал, и это было чертовски приятно. После игры меня ждёт семейный ужин, и, учитывая моё настроение, у него есть все шансы не закончиться скандалом с отцом.

Мы сидим за обеденным столом и едим утку, которую приготовил именитый шеф Габриэль Леру, нанятый мамой.

Обычно, когда родители в отъезде, я готовлю себе сам. Меня раздражают посторонние в доме, излишняя педантичность в подаче блюд и вообще вся эта культура потребления еды в собственном доме. Мне некомфортно, когда человек в идеально выглаженном кителе ставит перед тобой тарелку так, будто вручает фамильный герб.

Всё это безнадёжно устарело.

Но мама словно продолжает жить в эпоху расцвета английской аристократии. Ей нравится, когда всё красиво, дорого и мёртво.

— Утка сегодня особенно хороша, благодарю, Габриэль, — произносит она, попробовав маленький кусочек.

— К вашим услугам. Приятного аппетита, — шеф делает короткий поклон и удаляется.

— Оуэн, как тебе блюдо?

— Нормально, — фыркаю я.

Хотя объективно утка хороша.

Просто скучна до невозможности.

Я бы добавил сюда кислую вишню, чуть копчёной соли, пюре из пастернака вместо этого унылого гарнира и хрустящий фундук сверху. Может, каплю соуса с апельсиновой цедрой и чёрным перцем, чтобы вкус стал более живым и неординарным.

— Может быть, ты ответишь на вопрос? — строгий голос отца вырывает меня из размышлений.

— Что?

— Я спросил, как прошла игра.

— А.

Я киваю и мысленно выбираю, какую маску примерить.

Первая — маска примерного сына. В ней я рассказываю, как обошёл соперников из «Оттава Риверс», виртуозно забил решающую шайбу и внёс вклад в победу команды.

Вторая — маска отброса. Грубить, иронизировать и испортить настроение всем за столом, потому что так или иначе отец всё равно видит во мне только неудачника. Так зачем весь этот фарс с первой маской?

— Забил решающую шайбу, — неожиданно для себя выпаливаю без сарказма и язвительного тона.

— Отлично, — спокойно говорит отец, отрезая ножом небольшой кусок мяса. — Хотя это должно быть твоим ба-

зовым минимумом.

Что я говорил?

Никакого “молодец, сынок”, “я тобой горжусь”. Только пренебрежительное: ничего особенного, ты должен лучше.

— Это был сильный соперник, — вместо покорности решаю надавить.

Дэвид Макалистер глубоко вздыхает.

По этому незначительному жесту его сотрудники понимают: босс недоволен. А я осознаю, что тихий семейный ужин вот-вот выйдет из-под контроля.

— Это всего лишь студенческая лига, — пренебрежительно бросает он, сдерживая закипающую ярость внутри.

— А я всего лишь твой сын, — зеркалю его фразу и увожу взгляд в сторону.

На секунду за столом становится так тихо, что слышно, как мама кладёт вилку на край тарелки. Атмосфера тяжелеет и ложится на нас неподъёмным грузом. В такие мгновения лишнее движение ресниц, случайный вздох или кивок головы могут стать отправной точкой к катастрофе, искрой, падающей на горсть пороха.

— Вот именно, — говорит отец на тон выше. — Я хочу для тебя лучшего.

— Поэтому разговариваешь со мной как с дерьмом?

— Оуэн! — мама смотрит на меня округлившимися глазами, словно впервые в жизни услышала непотребное слово.

— Следи за языком! — пресекает отец, громко хлопая ла-

донью по столу.

Посуда вздрагивает, мама прячет лицо в замок из пальцев, а я веду себя, как и положено главному разочарованию родителей:

— Да пошёл ты! — выплёвываю и, резко отодвинув стул, срываюсь с места, оставляя главных актёров доигрывать драму наедине со своей заносчивостью.

Аплодисменты. Занавес.

Глава 4. Второй пилот

Ками.

Сегодня не день, а кошмар бариста.

В Echo Coffee не прекращаемый поток гостей. Сначала набег совершили работники спортивного комплекса, а когда ажиотаж спал, закончилась первая смена в университете Святого Лаврентия, и новая волна из шумных студентов и громких хоккеистов заполнила всё пространство кофейни.

Нет, я не жалуясь. Нет ничего приятнее, чем полный зал гостей. Тем более я работаю не просто бариста, а правой рукой Такера, и он приветствует моё желание вовлекаться в бизнес и позволяет реализовывать идеи.

Но то, что происходит сейчас, называется простым русским словом «запара».

Кухня не успевает отдавать заказы, два официанта носят как белки в колесе и зыркают на меня недовольными взглядами, потому что я отдаю их заказы с опозданием. Но я не могу делать одновременно пять напитков, имея всего две кофемашины. Хотя даже будь их больше, отдать одновременно пять разных позиций тоже было бы проблематично.

— Девушка, а я долго ещё буду ждать свой чай? — хнычет девушка у стола, куда я выставяю готовые напитки с именами гостей.

— Одну минуту! — стараюсь улыбаться и держать себя в руках.

Но, честно, хочется нагрубить. Я понимаю, что гостей не должно волновать, что один из наших бариста заболел, а второй уволился, и мне приходится работать за двоих.

— Капучино на миндальном для Анны! — объявляю следующий заказ и ставлю кофе на столешницу.

— Blagodaryu, u vas ochen' vkusnyj kofe.

Девушка внезапно благодарит меня на русском, и я на одну секунду подвисяю от неожиданной русской речи.

— Budem rady videt' vas snova! — киваю с довольной улыбкой.

В ином случае я бы ещё поболтала с ней. Всегда приятно встретить земляков, но сейчас совсем не до этого. Девушка с маленьким ребёнком в коляске уже начинает нервничать, за ней двое студентов возмущаются, что сейчас опоздают на пары, а пожилая женщина пытается протиснуться сквозь них, чтобы лучше прочитать описание на витрине.

— Флэт уайт для Аманды! — выставляю следующий стакан и сразу принимаюсь за новый напиток.

— Девушка, а можно мне сэндвич погреть, пока кофе делаете?

— Скажите, а какой крем в макаронс?

— А можно позвать официанта? Мы уже двадцать минут ждём!

— Девушка, сколько я ещё буду ждать свой кофе?

Спокойно. Камилла, сохраняя самообладание. Не в первый и не в последний раз такая ситуация. Ты справишься!

Девушка! Девушка? Де-е-вушка!

— Дамы, сохраняем спокойствие: второй бариста к вашим услугам, и мы сейчас с моей коллегой сделаем вам лучший кофе в вашей жизни!

Я отрываюсь от приготовления, ставлю очередной стакан на стойку и впиваюсь взглядом в наглого пижона, который точно был послан мне с небес в наказание за неизвестные грехи.

Оуэна Макалистер. Да, да тот самый хоккеист, член которого обсуждают в очереди как погоду.

— Ты что здесь делаешь? — получается слишком громко, и это слышат все присутствующие.

— Извини, что опоздал, — он наспех завязывает фартук поверх белой футболки. — Потом лишишь меня премии, а пока давай обслужим наших горячо любимых гостей!

Последние слова он произносит особенно громко и подмигивает стоящим у бара девушкам, которые уже не опаздывают ни на какие пары, а готовы строить глазки нашему новому работнику.

Отвратительно.

— Итак, ты делаешь кофе, а я пишу на стаканах, — Оуэн хватает два стакана и подлетает к тем самым курицам, поплывшим от его дешёвой игры мускулами. — Что для вас, девчонки?

Ладно, может быть, они и не курицы, а вот Макалистер точно тот еще петух, что распушил свой хвост без причины.

— Девушка, я долго буду ждать...

— Ваш сэндвич, — не даю гостю закончить свою тираду и снова возвращаюсь в рабочий ритм.

Оуэну здесь запрещено находиться, но выяснять сейчас с ним отношения и устраивать скандал при всех гостях не хочется. Поэтому принимаю его помощь.

И, честно сказать, она спасает положение.

Пока я пробиваю заказы и готовлю напитки, Макалистер упаковывает десерты с витрины, подписывает стаканы и после наполнения выставляет их на стол. Также он мастерски забалтывает гостей: с девчонками флиртует, с мужчинами обсуждает хоккей.

Спустя час активной работы ажиотаж наконец-то спадает, и в очереди остаются уже один-два человека, которые никуда не спешат.

— Американо для доктора Хауса! — кричит Оуэн, и я отвлекаюсь от терминала, чтобы понять, кого он так назвал. — Ой, простите, Максвелла, — хихикает этот бариста недоделанный и ставит кофе напротив Курта.

— Макалистер, решил сменить род деятельности? — смеётся Курт.

— Да вот думаю: если с хоккеем не сложится, податься в ресторанную сферу. Смотрите, как хорошо я справляюсь.

— Об этом нужно спросить у профессионала, — Макс-

велл переводит взгляд на меня. — Как он, Ками?

— Не продержится и дня, — фыркаю я, кидая угрожающий взгляд на Макалистера.

Курт смеётся, Оуэн посылает мне воздушный поцелуй.

— И я от тебя в восторге, Принцесса.

В ответ я недовольно цокаю и снова переключаюсь на работу.

К концу смены я его прикончу.

Ещё час назад здесь гудели голоса, пищал терминал, хлопали дверцы холодильников, а сейчас остаются только приглушённый свет над баром, запах кофе и липкие следы на стойке.

Официанты и повара уже ушли и мне остаётся закрывающая рутина: проверить кассу, снять остатки, протереть витрину, выключить оборудование...

Обычно я делаю это одна, но сегодня у меня есть бонус в виде двухметрового хоккеиста с манией полезности.

— Итак? Что там ещё в чек-листе у нас? — Оуэн только что закончил поднимать стулья и навалился на барную стойку.

— Макалистер, иди домой!

— Ну вот закончим и вместе пойдём.

— Нам не по пути.

— Я тебя провожу.

— Ты чего добиваешься? — не выдерживаю я.

— Свидания!

— Я уже сказала, что не пойду с тобой на свидание.

Ой, кажется, я забыла пояснить: этот парень вбил себе в голову, что может быть мне интересен. Не знаю, с чего вдруг ему захотелось за мной приударить, видимо, решил разбавить свою «коллекцию» чем-то экзотичным с восточной ноткой.

— Почему?

— Потому что ты мне не нравишься, — наотмашь отвечаю я, будто это самая очевидная вещь в мире.

— Врёшь.

— Серьёзно? Ты вообще слово «нет» понимаешь? — я начинаю злиться, меня бесит его самоуверенность.

— Понимаю. Но ты меня отшиваешь по какой-то другой причине.

— Оуэн, беги, пока я тебя не прибила шваброй!

В ход пошли угрозы его физическому здоровью, может, хоть это собьёт с него спесь, и он от меня отстанет.

— Не-а.

— Да как тебе ещё... — вспыхиваю, но очередное сообщение от мамы заставляет меня прерваться и увести взгляд на экран телефона.

«Милая, мы с папой очень надеемся, что ты проявишь уважение и приедешь завтра на ужин?»

Вот чёрт.

Мама пишет и звонит весь вечер, но каждый раз, когда я

собиралась ответить, приходили новые гости, и я откладывала этот разговор. Честно говоря, не без облегчения.

У меня хорошие отношения с родителями, если дело не касается моей работы. Любой семейный ужин может закончиться скандалом, если они снова предпримут попытку заставить меня в папин бизнес и обесценят моё желание реализоваться самой.

Я глубоко вздыхаю, и Оуэн замечает смену моего настроения.

— Что-то случилось?

— Всё в порядке, — отмахиваюсь и протираю столешницу ещё раз.

— Ками...

— Так, ты хотел помочь? — строго спрашиваю, чтобы пресечь его попытку залезть ко мне в душу.

— Да...

— Тогда вот: протри витрину и вынеси мусор, — передаю ему тряпку и спешу в подсобку выключить всё оборудование.

Макалистер больше не задаёт вопросов, а делает всё как верный солдат. После мы закрываем кафе, и я сдаюсь, позволяю Оуэну отвезти меня домой и даже проводить до подъезда.

В руке снова вибрирует телефон.

Мама:

«Милая, перезвони, я волнуюсь!»

— Спасибо, что проводил, — бросаю своему помощнику, продолжая пялиться в телефон.

— Бывший?

— Не поняла?

— Тебе весь день кто-то написывает. Бывший или настоящий? Поэтому не даёшь мне шанс? — склонив голову, спрашивает Оуэн, будто имеет на это право.

— Нет, драма моей жизни гораздо прозаичнее. Это мама.

— Не ладите?

Я пожимаю плечами:

— Не то чтобы. Просто родители считают, что я занимаюсь фигнёй.

— Но ты-то точно знаешь, чего хочешь...

— Не звучит как вопрос, — прищурившись, смотрю на своего спутника.

— Это и не вопрос. Очевидный факт.

— Ты не знаешь меня.

— Но я каждый день вижу, как ты выкладываешься на работе. Для тебя это нечто большее, чем просто работа, чтобы выжить.

Никогда не задумывалась, что люди думают, наблюдая за мной со стороны. Мне приятны слова Оуэна. Он, вероятно, гораздо глубже, чем может показаться на первый взгляд.

— Ладно, я пойду, — указываю на свою дверь и пачусь спиной назад.

— Пойдёшь со мной на свидание?

— Ты знаешь ответ, — бросаю через плечо, прокручивая ключ в замочной скважине.

— Ладно, спрошу завтра. Сладких снов, Жасмин!

— Это ещё что такое? — я мгновенно разворачиваюсь, чтобы пресечь его попытку дать мне прозвище. — У меня имя есть!

— И оно прекрасно, но ты так похожа на принцессу из Диснея, тебе бы ещё эти голубые шаровары надеть и секси лиф, открывающий животик.

— Заткнись немедленно. — Как же мне хочется ударить его чем-то тяжёлым.

Наглец только сильнее смеётся, довольный моей реакцией.

— Ты была бы невероятно горячей принцессой.

— Оставь свои фантазии при себе, извращенец! — дверь наконец-то подчиняется, и я запрыгиваю внутрь.

— Увидимся! — кричит он уже в глухое дерево, а я позволяю себе показать ему два средних пальца, которые он, конечно, никак не увидит.

Невыносимый засранец.

Глава 5. Ловушка

Ками.

Я вхожу в просторную квартиру родителей в Торонто.

Меня встречают панорамные окна, спокойные бежевые стены, дорогой паркет под ногами и светлая мебель в минималистичном стиле. Всё современно и достаточно сдержано, но стоит пройти чуть глубже — и эстетика утончённого дома заканчивается.

На стене в гостиной висит большая картина с Араратом в резной раме, под стеклом в нише стоят серебряные рюмки для коньяка, а на журнальном столике — гранат из керамики, потому что у каждой уважающей себя армянской семьи где-то в доме обязан быть гранат. Желательно не один.

Из кухни тянет запахом запечённого мяса, специй, свежей зелени и фирменного маминого пирога.

— Моя девочка! Тигран, посмотри, кто приехал!

А вот, кстати, и она: с порога обнимает меня и сразу же зовёт отца. Нарине Микаелян всегда пахнет дорогими акцентными духами и кофе, этот аромат одновременно обволакивает чем-то родным и знакомым, но тут же напоминает, что с этой женщиной нельзя расслабляться. Стоит потерять бдительность — и тебя уже ведут на смотрины к жениху.

Папа выходит из-за угла и раскрывает свои огромные руки, в которых я всегда ощущаю себя птенцом.

— Моя маленькая Ками! Иди сюда, ахчик джан! — он прижимает меня к себе и целует в макушку. — А я уже ду-мал, ты снова проигнорируешь стариков своих!

— Как я могла, маменька была непреклонна.

— Не ёрничай, а? — журит мама и мягко щиплет меня за щёку. — Проходи к столу, скоро будут гости!

— Гости? — испуганно переспрашиваю.

— Да, я пригласил Агабекянов к нам, — начинает папа. — Помнишь дядю Арама? Он жил недалеко от нас, когда ты была ещё совсем маленькой. Сын у него на пару лет тебя старше. Саркис так вырос, красавцем стал, университет закончил и сейчас уважаемым врачом работает!

— Папа... — внутри запускается пожарная тревога.

Мне бы бежать и не оглядываться, потому что, если речь зашла о каких-то друзьях, их сыновьях моего возраста и слове «уважаемый», значит, меня снова пытаются выдать замуж.

Но мой протест прерывает звонок в дверь.

Я в ловушке.

— А вот и они! — довольно подпрыгивает мама и спешит открыть.

Блестяще!

Ужин проходит в лучших традициях семейного сводничества, тщательно замаскированного под «просто посидим, давно не виделись».

Стол, разумеется, ломится так, будто к нам пришли не трое гостей, а приехали родственники из Анапы. Долма, ба-стурма, суджук, сыр, зелень, лаваш, хрустящие баклажанные рулетики с ореховой начинкой, запечённая рыба, мясо, салаты и мамина гата, до которой никто не дойдёт.

Дядя Арам уже минут сорок нахваливает своего сына, примерно так же ненавязчиво, как рекламный щит посреди трассы.

Саркис отлично учился. Саркис много работает. Саркис помогает родителям. Саркис недавно купил квартиру. Саркис прекрасно разбирается в вине. Саркис знает три языка. Если дядя Арам сейчас добавит, что Саркис по ночам лечит сирот и тушит лесные пожары, я даже не удивлюсь.

В ответ мама тоже очень старается, но у меня не так много регалий, и ей достаточно сложно перебить козыри семьи Агабеянов.

— Саркис очень хорошо катается на лыжах, — вдруг вспоминает дядя Арам. — А ты, Камилла, катаешься на чём-то?

— Нет, только играю, — с милой, (читай: саркастичной), улыбкой отвечаю я.

— О, правда? И на чём?

— На нервах, — перевожу взгляд на застывших с неестественными улыбками родителей. — На данный момент на родительских.

Через секунду полного замешательства все гости начина-

ют громко смеяться.

— Тигран, у твоей дочери отличное чувство юмора!

— Спасибо, это она в меня!

Папа расслабляется и присоединяется к дяде Араму и Саркису.

— Камилла, я бы мог научить тебя кататься на лыжах, — мягко включается Саркис. — Я на Рождество планирую в Уистлер, составишь мне компанию?

— О, это отличная идея! — оживляется мама. — Правда, Тигран?

— Милая, думаю, тебе стоит отдохнуть и согласиться...

Ох, как меня веселят их двойные стандарты. Как с парнем пойти на свидание — так только днём, в людном месте и через час быть дома. Но если парень армянин, то езжай с ним в отпуск и будь что будет. Можешь оттуда сразу беременной вернуться, главное — от достойного человека.

— Я работаю на новогодних праздниках.

— Ками, я тебя умоляю, ну разве это работа? — тянет отец, чем мгновенно зажигает во мне сотни фитилей с гневом.

— Работа, которая позволяет мне оплачивать счета, — с натянутой улыбкой поясняю я.

— Милая, ты же знаешь, что у тебя нет такой необходимости, — вставляет моя заботливая мамочка, которая, к слову, занимается любимым делом, а не работает в фирме отца.

— Что у тебя за босс? Тиран какой-то, заставляет мою

девочку работать в праздники!

— Я сама вызвалась! — осаживаю родителей и тянусь к рулетику из баклажана, потому что, если сейчас не займу рот едой, займу его чем-то гораздо менее вежливым.

— Милая, нам совсем не нравится, что ты себя так нагружаешь!

— Мам, мы, кажется, уже говорили об этом, — пытаюсь свернуть шаткую тему до того, как окончательно не заведусь и не испорчу всем вечер.

— Тётя Нарине, это прекрасно, что ваша дочь пытается всего добиться сама. Не часто встретишь такое трудолюбие среди нынешней молодёжи, — включается в игру Саркис и дарит мне одну из своих улыбок, после которых, уверена, пало не одно женское сердце.

— Спасибо, я справлюсь, — отвечаю строго, подчёркивая, что мне не нужен адвокат для общения с родителями.

— Камилла! — шипит отец.

— Тигран, — успокаивает его мама, мягко поглаживая по плечу.

— Да, папа?

Перестрелка на секунду прекращается. Отец формулирует приличное ругательство, пока его друзья с любопытством наблюдают за строптивой невестой.

Ну что, дядя Арам, вы всё ещё хотите такую невестку?

— Ты ведёшь себя как...

— Извините, — перебиваю я отца и поворачиваюсь к го-

стям. — Просто у нас с родителями моя работа — это большая тема. Прошу прощения, что вы стали её свидетелями.

Хочу пресечь скандал на корню. Всё равно останусь при своём мнении, так зачем лишний раз устраивать сцену.

— Ками, милая, всё в порядке, конфликт поколений. Да, Тигран? — добродушно говорит Арам. — Я с Саркисом тоже раньше много спорил. Ничего, всё пройдёт, это возраст.

Начинается. Обесценивание желаний и списывание моих решений на возраст.

Мне двадцать три года. Самое время свой бизнес открывать.

— Камилла, а не хочешь показать Саркису нашу коллекцию вина? — внезапно спрашивает мама. — Я думаю, ему было бы интересно.

Новая попытка свести нас.

— С удовольствием!

Приподнимаюсь из-за стола и направляюсь в сторону погреба, где отец хранит уникальную коллекцию вин и коньяка. В том числе армянского, безусловно. Главная ценность этого дома. После меня, конечно. Хотя тут я бы поспорила: с некоторыми бутылками папа разговаривает куда нежнее.

Мой потенциальный «жених» покорно идёт следом.

Мы спускаемся по деревянной лестнице вниз. Погреб здесь не сырой подвал из фильмов ужасов, а отдельная комната с климат-контролем и мягкой подсветкой. В центре стоит массивный дубовый стол для дегустаций, а сбоку — стел-

лаж с бокалами для разных типов вина. По периметру тянутся винные шкафы с затемнёнными стеклянными дверцами. На каждой секции аккуратная табличка со страной-производителем. Отдельный угол отведён под коньяк — папину религию.

— Итак, здесь у нас Италия, — показываю на стеллаж с бароло, кьянти и прочими бутылками, названия которых я научилась произносить раньше, чем ходить. — Потом Франция. Здесь Бордо, Бургундия, шампанское, которое нельзя трогать без папиного благословения. Дальше Армения, Армения, Армения...

Я прохожу мимо трёх шкафов исключительно с армянскими винами.

— Потому что патриотизм должен храниться при правильной температуре. О, Испания!

Тянусь к одному из самых дорогих вин и осторожно вытаскиваю его из ячейки.

— Кажется, эта бутылка стоит целое состояние. Если я прямо сейчас разобью её о твою голову, родители отрекутся от меня и, скорее всего, проклянут.

— Думаешь сделать это, чтобы они больше не доставали тебя с работой? — смеётся Саркис, совершенно не испугавшись моих извращённых фантазий с нотками насилия.

— Я надеялась, ты испугаешься, решишь, что я неадекватная, и самоизолируешься, — вздохнув, возвращаю бутылку на место.

— Мне нравятся строптивые.

Не думаю, что ты и вправду готов жениться. Тем более на строптивой.

Саркис — клишированный представитель золотой молодёжи. Ему повезло взять самое лучшее от родителей, от чего он больше похож на итальянца или турка, чем на армянина. Тёмные волосы, смуглая кожа, белоснежная улыбка, прямой узкий нос, да ещё и без горбинки.

— А мне не нравится, когда мне навязывают женихов, — спокойно отвечаю я. — Будто мы живём в девятнадцатом веке.

— Никто не говорил, что нам нужно обязательно жениться. Но почему не узнать друг друга?

— Зачем?

— Чтобы порадовать родителей.

— Окей, мы здесь уже примерно пять минут. Достаточно, чтобы обменяться базовой информацией и безумно влюбиться друг в друга. Пойдём, поулыбаемся им и закончим этот цирк.

— Я никуда не спешу...

— Я спешу!

С этими словами иду к лестнице и быстро поднимаюсь вверх.

Саркис выходит следом. Мы подходим к гостиной, где мой отец с дядей Арамом что-то бурно обсуждают за бокалом коньяка.

— Саркис, как тебе коллекция? — спрашивает папа. —
Ками показала вина нашего виноградника?

— Да, коллекция впечатляет, а из уст Камиллы слушать о ней было одно удовольствие.

Вот подхалим мартовский.

— Нам уже пора, — дядя Арам протягивает руку отцу, а затем обращается к маме: — Нарине, всё было просто великолепно. А твоя фирменная гата... вкуснее нигде не ел! Не считая той, что готовит моя жена.

Взрослые хихикают, пока я подпираю стену в коридоре и изображаю декоративный элемент.

— Камилла, было приятно познакомиться, — Саркис наклоняется, чтобы поцеловать меня в щёку. — Снова, — добавляет он, намекая на то, что мы уже были знакомы в детстве.

— И мне, — киваю и, улыбнувшись, отвечаю лёгким касанием в его щетину.

— Сходим куда-нибудь на выходных?

— Прекрасная мысль! — вклинивается отец.

— В театр! — тут же добавляет мама.

Опять началось.

— Я работаю на выходных, — вежливо осаживаю компанию, которая в упор не замечает моей незаинтересованности.

— Тогда сходим, когда не работаешь, — Саркис подмигивает мне и уходит вслед за отцом.

Я изо всех сил стараюсь не закатывать глаза. Не могу сказать, что не люблю настойчивых мужчин, но в последнее время в моей жизни их стало слишком много. А ещё я точно знаю, что не во вкусе этого золотого мальчика.

Несмотря на безупречный, с точки зрения отца и дяди Арама, план свести нас, они, как представители старшего поколения, упустили одну важную деталь — соцсети. В них этот жгучий брюнет отжигает по полной, прошу прощения за тавтологию. В его профиле: яхты, модели, ванны с шампанским и бесконечные вечеринки.

Саркис живёт свою лучшую жизнь и продолжит жить после женитьбы. Он отлично играет роль правильного сына: ухаживает за девушкой, которая укрепит семейные связи и красиво впишется в общую картину. Он верный сын. В отличие от меня — непутёвой, вечно бунтующей дочери. Но он не любовь всей моей жизни, и я для него — тоже.

— Камилла, что это было? Я тебя не этому учила! — как только дверь за гостями закрывается, вспыхивает мама.

— Ма-а-м, — устало тяну я, не в силах ещё и от родителей выслушивать нотацию.

— Неужели так трудно было побыть вежливой? Что такого страшного, если сходишь в театр с Саркисом?

— Мам, я не могу пойти с ним ни в театр, ни куда-либо ещё!

— Почему? Это же ни к чему не обязывает!

— Да потому что...

— Камилла! — в полемику включается папа. — Я не понимаю твоей упертости.

— Да как вы себе это представляете? Я пойду на свидание с ним, когда...

Времени почти нет, поэтому я выдаю первое попавшееся оправдание:

— Когда у меня есть парень! Вы точно меня не учили быть блудной женщиной, встречающейся с несколькими мужчинами одновременно!

Вот это я выдала.

Мама аж за сердце схватилась, а у папы глаза стали как блюдца из нашего семейного сервиза.

— Как парень?

— Какой парень?

Одновременно спрашивают родители, пребывая в шоке.

— Такой. Я что, не могу парня завести в двадцать три года?

— Можешь, просто ты никогда не рассказывала о нём, — виновато признаётся мама.

— Не было подходящего случая. У нас только недавно всё закрутилось, вот...

Папа глубоко вздыхает, а мама нервно смотрит то на меня, то на него, будто ищет выход из ситуации.

— Так, может, тогда познакомишь нас? — уже с мягкой интонацией продолжает она, пока папа угрюмо оценивает обстановку.

Он, конечно, вообще не в восторге от такого поворота. Никак не ожидал, что я возьму и заведу себе парня прямо перед знакомством с таким «удачным кандидатом».

Папочка, я сама не ожидала, что он у меня внезапно появится. Но вы меня вынудили его придумать!

— Обязательно, но попозже. Мы только узнаём друг друга, — иду на мировую и дарю маме самую очаровательную улыбку, на которую только способна.

— Глупо надеяться, что он... — папа замолкает на полуслове, понимая, что его вопрос ещё больше подчеркнёт желание следовать устаревшим традициям. Именно то, что я никак не могу выкорчевать из нашей семьи.

— Что он армянин? — заканчиваю я за отца. — Глупо. Мы ведь с вами в Канаде живём, а не в Краснодарском крае.

— Ками, мы просто хотим для тебя достойного...

Достойного?

Думаю, стоит показать маме социальные сети Саркиса, чтобы она вдоволь насладились его «достойным» образом жизни.

— В любом случае, я в отношениях, и в ближайшее время женихов мне можно не предлагать. Как только эта вакансия освободится, я вам сообщу.

Подмигнув, я разворачиваюсь к лестнице, чтобы убежать наверх, в свою комнату.

— Камилла, мы не закончили.

— Пап, я опоздаю. По дороге в аэропорт сможешь прочи-

тать мне лекцию о важности семейного бизнеса и моей роли в нём.

— Выпороть бы тебя, — пыхтит он обречённо.

А я с усмешкой скрываюсь на втором этаже и очень надеюсь, что вопрос с моим замужеством на какое-то время отпал.

Глава 6. Равноценная сделка

Ками.

— Матча с фисташкой для Алисии и чай имбирь-личи для Колина! — выставляю стаканы и поворачиваюсь к Тони. — Там у девушки ещё были сырники, узнай у кухни, как скоро они планируют их отдать.

Бариста кивает и уходит на кухню.

— Привет, красотка!

— Макалистер, ты вообще на пары ходишь?

Не поворачиваясь, комментирую, потому что и так по голосу и огромной тени, загораживающей мне солнце, поняла: передо мной стоит уже знакомая грудa мышц и тестостерона.

— Конечно, я вообще лучший в группе!

— Лучший по прогулам?

— Лучший по поцелуям.

— Не знала, что ты учишься на проститутку.

— Так давай расскажу, раз тебе так интересно.

— Неинтересно.

— Интересно.

— Заказывать будешь или как? — прерываю я нашу бессмысленную перепалку, которая уже стала ежедневным ритуалом.

— Буду. Латте с тыквой и карамелью.

— Очень мужественный выбор.

— Жасмин? Осуждаешь парня за его вкусы? — Оуэн разыгрывает оскорблённое достоинство, чем вызывает у меня искреннюю улыбку.

Ладно, может быть, наши небольшие перестрелки мне и нравятся. Совсем чуть-чуть.

Хихикнув, я отворачиваюсь и начинаю готовить его напиток. Свободных столиков остаётся всё меньше, и кофейня наполняется приятным шумом.

— Ками, милая!

Я поднимаю голову от стаканчика, в котором скрупулёзно рисовала узор молоком, и застываю с приоткрытым ртом.

— М-а-м-а?

— С парковкой у вас здесь, конечно, совсем плохо! — за её спиной материализуется папа.

— Что вы здесь делаете? — не отрывая глаз от родителей, я закрываю стакан крышкой иставляю его перед Оуэном, который полностью увлечён происходящим и явно никуда не собирается уходить, пока не досмотрит шоу под названием «Семейка Микаелян».

— Мы с тётей Соной открываем здесь магазин, я же рассказывала. Вот и приехали в Монреаль на выходные: погостить у Багратуни и заодно познакомиться с твоим парнем!

— Парнем? — вырывается у Оуэна, всё ещё стоящего рядом и внимательно слушающего весь наш разговор.

Родители переводят взгляд на него, не понимая, почему этот совершенно незнакомый молодой человек здесь и так

нагло вклинивается в разговор.

— Мама, папа, это Оуэн, — я указываю на него рукой, а затем с мольбой в глазах смотрю на него и произношу: — Мой парень!

Что. Я. Сейчас. Сделала?

Всё происходящее занимает всего несколько секунд, но в моей голове проносится целая куча событий, как при просмотре короткой сводки новостного канала. Взрывы, конфликты, спасения амурских тигров... В общем, у меня нет объяснения, зачем я это ляпнула, но ещё больше меня пугают последствия моего экспромта.

Отдаю должное Макалистеру: смятение на его лице продержалось всего несколько секунд. Он почти сразу включается в игру и, прервав зрительную перестрелку со мной, обращается к родителям:

— Оуэн Макалистер, молодой человек вашей дочери.

— Тигран Геворгян, — строго отвечает папа, пожимая протянутую руку Оуэна.

— Нарине Армине, — более приветливо отзывается мама. — Можно просто Нарине.

Родители столько лет прожили в Канаде, а всё равно продолжают называть свои сложные отчества, когда представляются полностью, путая местных.

— У вас очень красивое имя. Кажется, оно означает «ласточка»?

И я, и мама не можем скрыть удивления. Откуда, чёрт

возьми, Оуэн может это знать?

— Надо же, вы совершенно правы. «Нарине» и правда означает «ласточка» или «милая».

— Оно очень вам подходит. Как будто весну за собой приводите.

Пока мама лежит в накуате, а папа ищет более остроумную реплику, чтобы осадить красноречие моего «парня», Оуэн начинает второй акт своего представления.

— Наконец-то я с вами познакомился, а то Ками всё переживала, что ещё слишком рано. А я ей сразу сказал: прежде чем встречаться, я предпочитаю получить благословение у родителей.

— Переигрываешь! — цокаю я.

Мама же на его реплику реагирует более чем позитивно: тихо смеётся и продолжает этот нелепый разговор.

— Ну что вы, Оуэн, мы не такие старомодные. Мы нормально относимся к тому, что молодёжи сначала нужно узнать друг друга, а только потом знакомиться с родителями.

— А чем вы занимаетесь? — хмурясь, спрашивает папа.

— Я учусь в университете Святого Лаврентия и играю в хоккей за «Монреаль Лайонс».

— Учитесь? А сколько вам?

— Двадцать четыре, — кивает Оуэн.

— До сих пор студент... — в голосе папы чувствуется осуждение.

— Мам, пап, давайте вы присядете за столик, закажете че-

го-нибудь, да? — решаю прервать неожиданно начавшийся допрос и спасти Оуэна.

Не то чтобы мне это было нужно, но продолжать этот идиотизм бессмысленно.

— Мы бы хотели, чтобы ты к нам присоединилась, — возражает мама, глядя то на меня, то на Макалистера. — И Оуэн...

— Я сейчас подойду, — вместо ругательства мило обещаю я. — А Оуэну, к сожалению, нужно на тренировку...

— Малыш, ты что, совсем заработалась? — встревает мой лже-парень, который прямо сейчас станет лже-бывшим. — Я только что с тренировки и с удовольствием присоединюсь к вам.

Если я не убью тебя раньше.

— Вот и прекрасно! — мама довольно хлопает в ладоши и утягивает отца за стол, а я даю себе пару секунд перевести дыхание, прежде чем придушить Макалистера.

— Ты зачем это сделал? — шиплю на него, как змея.

— Веду себя как хороший парень. Не каждый день приходится знакомиться с родителями своей девушки.

— Я не твоя девушка!

— Малыш, ты меня пугаешь. Кажется, у тебя началась деменция: минуту назад ты сама назвала меня своим парнем, — засранец берёт конфету, лежащую в большой круглой вазе у кассы.

— Оуэн, у тебя сейчас будет деменция, когда я разобью

о твою голову эту вазу, — выхватываю у него конфету и забрасываю обратно.

— Эй, я вообще-то это купить собирался.

— Не собирался. Вали отсюда!

— Нет уж, я тебе подыграл и считаю, что могу просить за это компенсацию.

— Ладно, возьми конфету, — я снова вытягиваю сладость и кладу перед ним.

— Так не пойдёт. Я хочу свидание.

— Никакого свидания.

— Да? Ну ладно, пойду скажу твоим родителям, что ты весь этот цирк с парнем придумала.

Вот же придурок!

Засранец хватается свой кофе и делает шаг к столу, но я успеваю схватить его за куртку и притянуть обратно к стойке.

— Стой! — Оуэн поворачивается ко мне и облакачивается на столешницу.

Краем глаза я замечаю, что родители наблюдают за нами, поэтому вовремя натягиваю улыбку, делая вид, что кокетничаю, и начинаю свой суровый флирт, балансирующий на грани убийства.

— Одно свидание. И никакого продолжения! — сквозь натянутую улыбку цежу я, хлопая глазками.

— И ты будешь вести себя так, как подобает девушке на свидании.

— Это ещё что за условия?

— Я не прошу тебя смеяться над моими шутками. Просто втяни на один вечер колючки и проведи время классно. Только и всего.

— Ладно. Ещё что-то?

— Ничего, — и снова эта наглая улыбка. — Идём к родителям?

Я бросаю взгляд на столик, где мама с папой общаются с официанткой, и киваю. Деваться некуда. Нужно закончить это шоу для родителей: вчера они меня развлекали, а сегодня я для них спектакль устроила.

Попросив Тони присмотреть за баром, я снимаю бейдж и фирменный фартук и вместе с Оуэном иду к столу.

— Мам, у нас есть минут пять, после я должна вернуться к работе, — сразу предупреждаю, присаживаясь.

— Какая честь, нам уделят целых пять минут, — бурчит папа себе под нос.

— Тигран, мы же её от работы отрываем, — как всегда сглаживает углы мудрая женщина Нарине Микаелян.

— Она могла бы вообще здесь не работать.

— Может, не будем об этом сейчас? — с улыбкой встречаю я, потому что не хочу, чтобы Макалистер знал о наших семейных недопониманиях.

— Оуэн, расскажите, как вы познакомились?

Ай, мама джан, ну зачем?

Сейчас он начнёт рассказывать всякий бред. Почему мы

не обсудили это перед тем, как подойти к родителям?

— Всё достаточно прозаично: зашёл взять кофе и увидел её, — он бросает на меня многозначительный взгляд со слишком долгой паузой. — Сразу понял, что влюбился.

— А не спешите ли вы, молодой человек, с такими громкими заявлениями? — откашлявшись, задаёт прямой вопрос отец.

— Ну, он хотя бы не предложил в первый день знакомства ехать вместе на курорт кататься на лыжах, — не удерживаюсь я от шпильки.

Макалистер понимает, что это наша семейная драма, и делает вид, что слова отца его никак не задели. Хотя, думаю, они и правда его не задели: он ведь всего-навсего играет свою роль, и вряд ли его волнует, кто что подумает о нём в моей семье.

— Неважно, сколько прошло времени, когда находишь своего человека, — Оуэн берёт меня за руку и переплетает наши пальцы. — Ками прекрасная девушка. В такую, как она, очень сложно не влюбиться.

В сердце будто адреналин вкололи, а на щеках появляется румянец. Он слишком хорошо играет. А ещё его тёплая рука, сжимающая мои пальцы, вызывает неправильную реакцию внутри тела.

— Мило поболтали! — я резко вырываю руку и подскакиваю как ошпаренная. — Но мне правда нужно работать, а Оуэну — на занятия!

Все смотрят на меня удивлённо, но, слава богу, у Мака-листера просыпается чувство самосохранения, и он решает подыграть мне, а не родителям.

— Да, надо бежать. Там у нас... дополнительное занятие поставили. По философии.

— Философии? — удивлённо переспрашивает мама.

— Да, обожаю философию! — добавляет Оуэн на выдохе, жмёт руку отцу, целует ручку мамы — чёртот джентльмен — и, откланявшись, мы быстро двигаемся обратно к барной стойке.

— Свидание. Я напишу детали, — довольно бросает он, склонившись над моим ухом.

Я закатив глаза, возвращаюсь к работе. Думаю, пару часов в компании этого мажора я способна вынести. Будем считать, это моя плата за возможность не выходить замуж за Саркиса и его необъятное самолюбие.

Кажется, равноценная сделка.

Глава 7. Свидание

Ками.

Я иду на свидание с Оуэном Макалистером.

Сама не понимаю, как это получилось, потому что такие, как Оуэн, стоят первыми в моём списке «даже не вздумай» и мигают красной предупреждающей надписью.

Макалистер — стереотипный богатый мальчик, искушённый женским вниманием и родительскими деньгами. И, несмотря на то что я тоже из достаточно обеспеченной семьи, у меня совершенно другие ориентиры в жизни. Этот парень не привык напрягаться. Всё даётся ему легко: популярность, место в команде, внимание, девушки.

К сожалению, я знаю, сколько у Оуэна было девушек. А точнее, половых партнёров, так как официально он ни с кем не встречается. Он и Коул Хантер — два самых популярных парня университета, их имена постоянно звучат в свежих сплетнях студентов, которые приходят к нам за кофе.

Меня не привлекает смазливое личико Макалистера, белоснежная улыбка, впечатляющие бицепсы, которые он любит демонстрировать, снимая толстовку в помещении. Все его подкаты — это игра, ставка на то, как быстро я сдамся. Но на меня это совсем не работает. Я не строю из себя недоτροгу, а самым искренним образом не заинтересована в отношениях. Ни с ним, ни с кем-либо ещё. Мне однажды по-

навился один мужчина — именно мужчина, а не ровесник вроде Оуэна, — но тот, кажется, запал на мою подругу.

В общем, сейчас меня волнуют другие вопросы. Такер ищет управляющего в Echo Coffee, а я готова сделать всё, чтобы наконец-то выбраться из статуса бариста и перейти к следующей ступени своей мечты.

Макалистер сказал, что заедет за мной в два. Меня удивило такое время, так как я была уверена: он выберет какой-нибудь пафосный ресторан, подарит мне огромный букет цветов, чтобы впечатлить и со страта заработать бонусов. Ладно, может быть, я преувеличиваю, и он не настолько хочет затащить меня в постель. Хотя, я слышала, Оуэн делал подобное даже для тех, кто и так был готов упасть к его ногам.

Одним словом, что бы он ни задумал, я планирую сорвать это свидание. Поэтому одеваюсь максимально просто: тёплые легинсы, удлинённый асимметричный топ на бретелях, объёмный кашемировый свитер, спадающий с одного плеча, и сапоги-казаки. Я обожаю этот образ, чувствую себя в нём просто сногшибательно, но при этом он не выглядит нарядным. Скорее так, будто я совсем не старалась.

То, что нужно для сегодняшнего randevu: быть в тонусе, острить и показывать, как мне всё равно на все его попытки вызвать у меня взгляд оленёнка и капающую слюну при виде его мускулов.

Собираю свои тяжёлые волосы в высокий хвост, на уши — тёплую повязку, застёгиваю пуховик и накручиваю шарф

вокруг горла.

Выгляжу как капуста.

Выхожу на улицу и собираюсь набрать Оуэну, но этого не требуется: мой кавалер подпирает свой автомобиль, сложив руки на груди.

— Прекрасно выглядишь, Жасмин!

— Ты сколько здесь уже стоишь? — я осматриваю его и агрегат за ним.

На нём тёмные джинсы, свитер и расстёгнутый пуховик. Он не выглядит так, будто собрался вести меня в ресторан.

Интересно.

— Ну что, едем?

— Куда?

— Это сюрприз!

— Так не пойдёт. Я не могу сесть в твою машину и не знать, куда меня везут. Это небезопасно.

— Ты серьёзно думаешь, что я могу отвезти тебя в лес?

— Откуда мне знать?

Макалистер смотрит на меня с шокированным выражением лица, но спустя пару секунд сдаётся. Достает телефон и начинает что-то набирать.

— Вот, отправляю тебе геолокацию. Она связана с часами. — Он показывает мне запястье. — По ней можно отследить, где я нахожусь. Разошли всем, кому хочешь. Если я вдруг решу снять часы, можешь разбить бутылку о мою голову и удрать на моей машине. Бак полный, коробка-автомат.

Я с трудом сдерживаю смех. Конечно, серийные убийцы именно так и поступают — дают возможность отследить своё местоположение и делятся инструкцией, как от них убежать. Читаю сообщение Оуэна, пока он обходит машину и открывает мне дверь. Конечно, я никому не отправляю ссылку, которую он мне прислал.

Ну это же глупо, да?

Зачем я вообще поехала с парнем, если настолько в нём сомневаюсь?

В общем, я сажусь в машину и еду непонятно куда. Потом меня поругаете за это.

Салон пахнет чистотой, кожей и едва уловимым древесным парфюмом. И меня раздражает, что запах такой приятный и вызывает странные эмоции внутри. Уверена, это какой-то специальный ароматизатор, чтобы клеить девчонок, с феромонами.

Я отворачиваюсь к окну и делаю вид, что меня невероятно сильно интересуют серые улицы Монреаля, но взгляд всё равно предательски возвращается к Макалистеру. Он ведёт уверенно и спокойно, одной рукой удерживая руль, а второй лениво переключает трек на панели, потом касается указательным пальцем лёгкой щетины на подбородке, будто о чём-то задумывается.

И это выглядит так...

Нет, это не сексуально. И меня совершенно не цепляет эта мужественная картина.

Красивая машина, широкие плечи и улыбка, с которой можно получить кредит доверия даже у налоговой — это всё ширма.

В такого парня действительно можно влюбиться, если быть душой.

Но я не дура, поэтому мысленно отвечаю себе подзатыльник и отворачиваюсь к окну. Через пятнадцать минут молчаливой поездки мы заезжаем на парковку, и Оуэн глушит мотор.

— Рынок? Я смотрю, ты решил как следует сэкономить на нашем свидании?

Пока Макалистер что-то нажимает на приборной панели, я рассматриваю огромную территорию крытого рынка, где наша кофейня часто закупает продукты для кухни. Ума не приложу, что он задумал.

— Ой, только не говори, что ты ожидала банальный ресторан.

— Я именно его и ожидала.

— Фу, Микаелян, как пошло! Я гораздо изобретательнее.

С этими словами он выходит из машины и обходит её, чтобы открыть мне дверь:

— Прошу!

Я позволяю ему помочь мне выбраться из автомобиля, но когда предпринимаю попытку выдернуть руку из его ладони, он не отпускает.

— Не-а, Жасмин. У нас свидание, а значит, за продуктами мы пойдём как парочка. За ручку.

— Какими ещё продуктами?

— Для нашего ужина. А для чего ещё люди приезжают на рынок? — он тянет меня ко входу.

— А в супермаркет заехать не судьба была?

— Какой супермаркет? Я не могу накормить девушку, работающую в ресторане, едой из Loblaws

— Я польщена, что ты так высоко ценишь мой гастрономический вкус, но я ничего не имею против Loblaws. Так, подожди, какой ужин? Мы что, потом к тебе поедем?

— Увидишь. Не торопи события.

— Оуэн!

Макалистер резко останавливается и поворачивается ко мне всем телом:

— Жасмин, мы сейчас выберем продукты, а после я отвезу тебя в одно место. И нет, это не мой дом. Не переживай, твоя честь останется нетронутой.

— И на этом спасибо, — вздыхаю я и плетусь за ним.

Мы обходим, кажется, весь рынок.

Сначала Оуэн ведёт меня в овощные ряды, где воздух пахнет влажной зеленью, землёй, свежими травами и сладкими фруктами. Макалистер берёт в руки авокадо, слегка нажимает большим пальцем у плодоножки, потом откладывает. Стучит костяшками по небольшому арбузу, будто проверяет, есть ли кто дома. Нюхает персики, выбирает самые аро-

матные, просит попробовать виноград и с таким серьёзным видом спрашивает продавца, откуда на самом деле привезли инжир, что я не выдерживаю и тихо хихикаю.

— Что? — Оуэн бросает на меня взгляд.

— Ничего. Просто ты выглядишь так, будто сейчас вынесешь вердикт всему сельскому хозяйству Квебека.

— Это важная работа, не мешай профессионалу.

У одного из прилавков нас встречает пожилой армянин. Я едва успеваю сказать «барев дзез», как он расплывается в улыбке, начинает расспрашивать, чья я, откуда родители, давно ли в Канаде. В итоге он делает нам скидку, добавляет в пакет пару гранатов и один очень спелый персик «для красивой ахчик».

— Это что сейчас было? — спрашивает Оуэн, когда мы отходим.

— Армянский бонус.

— Мне нравится.

— Тебе бы понравилось меньше, если бы он начал спрашивать, когда свадьба.

— А он спрашивал?

— Был готов.

Следом мы идём к рыбному отделу. Оуэн выбирает крупные сырые креветки в панцире, уточняет, свежие ли, не перемороженные ли, и просит упаковать отдельно. Потом берёт пучок петрушки, лимоны, свежую пасту, широкие ленты тальятелле, и ведёт меня к специям, где мы заканчиваем с

покупками.

Сгрузив все пакеты в машину, Макалистер снова открывает для меня дверцу и кивком указывает на сиденье.

— Ну что, готова к самому интересному?

— У меня выбора нет, — я пытаюсь сказать это саркастично, как будто я пленница на этом свидании, но не выходит.

И как бы я ни хотела сопротивляться, мне понравилось ходить с Оуэном по рынку, пробовать разные продукты, слушать его рассказы о том, как правильно выбирать фрукты, и набирать огромные пакеты ароматной, живой еды.

Удивительно, но это я должна была прочитать ему целую лекцию о том, когда наступает сезон персиков или какие специи лучше всего сочетаются с рыбой. Но я никогда не любила готовить, и все навыки, которые должна была впитать ещё с молоком матери, растерялись по пути своего взросления.

Мама была бы в восторге от такого перформанса Оуэна. Будь он ещё армянином, так вообще выдала бы меня за него замуж уже завтра.

— Вау, Камилла Микаелян улыбается, сидя в моей машине, а у меня сегодня даже не день рождения! — замечает мои растянувшиеся губы Оуэн и не упускает возможности подколоть.

— Это никак с тобой не связано! — быстро беру себя в руки.

— Уверен, что связано. Признайся, тебе понравилось?

— Нет.

— Понравилось. Ты улыбалась, я видел.

Я улыбалась. Даже больше скажу: я хихикала, когда он с умным видом задавал вопросы продавцам.

Оставшуюся дорогу мы проводим в спокойном молчании. Оуэн включает радио, тихо подпевает, улыбается и невзначай бросает на меня косые взгляды.

— Приехали, принцесса!

Мы оказываемся у небольшого современного здания со множеством офисов и студий.

— Мы будем подрабатывать в кейтеринге для волков с Уолл-стрит?

— Нет, готовить мы будем только для нас двоих.

— Мы?

— Ну или я, если тебе не хочется. Будешь меня развлекать, пока я демонстрирую тебе свою тёмную сторону.

В лифте мы поднимаемся почти на самый верхний этаж, проходим по длинному коридору и оказываемся в просторной кухне-студии с окнами в пол, уютной зоной отдыха и камином.

— А почему просто не поехать домой и там не приготовить? — задаю я тупой вопрос, очарованная происходящим.

— Ты бы не согласилась — это раз. Два: кухня у меня дома не отличается таким масштабом, а мне хотелось провести время в красивом месте, — Оуэн протягивает мне фартук.

— Поможешь?

— Давай попробуем.

Я надеваю фартук и подхожу к большому высокому столу для готовки. Оуэн со знанием дела выкладывает купленные продукты и раздаёт указания: зелень промыть, креветки распаковать, пасту убрать в холодильник, лимоны оставить рядом.

— Панцирь снимаем, но хвостики оставляем, — комментирует Макалистер.

— Да, шеф, — с иронией бросаю я и принимаюсь чистить креветки. — Где ты этому научился? Я думала, хоккей отнимает всё свободное время.

— Даже не знаю. Пару раз залип на кулинарных шоу, там у них всё получается так легко и непринуждённо. Решил сам попробовать, и как-то понравилось... — Оуэн стряхивает оставшийся лук с ножа и переключается на плиту. — Это расслабляет и отвлекает от всякого.

— Значит, готовка — это твой способ убежать от проблем?

— Вероятно. Но я бы сказал — не сбежать, а спрятаться на время. Они ведь всё равно никуда не деваются.

Я слышу в голосе скрытую печаль, но не решаюсь спросить, у всех есть свои проблемы и тайны, даже у таких открытых и беззаботных золотых мальчиков.

— Теперь чеснок, — приободрившись, вспоминает Оуэн. — Три зубчика. Нарезаешь очень мелко, чтобы мы его не чувствовали кусочками, но вкус стал глубже и ярче.

Я принимаюсь давить чеснок плоской стороной ножа, как

он показал. Пряный запах резко ударяет в нос.

— Какое у тебя любимое блюдо? — спрашивает он, доставая с нижней полки сковороду.

— Как истинная армянка, я люблю хорошо приготовленное мясо. Например, хоровец — маринованное мясо на углях. А ещё обожаю гату. Это такая сладкая выпечка с начинкой из масла, сахара и муки. Иногда с орехами, но классическая — без них.

— Сладкоежка?

— Не могу сказать, но бывает, очень хочется чего-то такого.

Оуэн бросает на раскалённую сковороду кусочек сливочного масла.

— Я слышал, что у армян еда — это часть культурного кода.

— Просто еда? — я с прищуром смотрю на него. — Нет, то, что делают армяне, просто едой назвать нельзя. Это настоящее щедрое застолье. — Хихикнув, поясняя: В семье радость — мы накрываем на стол. Горе — обязательно накрываем стол для себя и всех соседей в округе. Зашёл кто-то в гости, даже случайно, мы его, пока не накормим до отвала, из дома не выпустим.

— Страшные люди, — смеётся Оуэн и вызывает улыбку и у меня.

— И не говори. Конечно, в моей семье не так много глубоко традиционных моментов, всё же мы больше десяти лет

живём в Канаде. Однако мама с папой всё равно не могут отпустить некоторые установки, вбитые им ещё в детстве, когда они жили в Армении.

— Кидай чеснок на сковородку. Только осторожно, сейчас будет шипеть.

Чеснок попадает в горячее масло, и кухня тут же наполняется плотным, аппетитным ароматом. В животе предательски урчит, и я вдруг понимаю, насколько вкусный ужин меня ждёт.

— Теперь креветки. Выкладывай по одной, по кругу. Они готовятся очень быстро. — продолжает командовать Оуэн.

Я принимаюсь раскладывать креветки, которые моментально меняют цвет с серого на розовый. Масло брызгает, шкворчит, и одна капля попадает мне на руку, из-за чего я резко отпрыгиваю.

— Эй, — Макалистер стоит прямо за спиной и по инерции ловит меня.

Я не сразу понимаю, что оказалась в кольце его красивых сильных рук.

Я сказала красивых?

Нет. Я имела в виду просто рук. Обычных мужских рук.

— Давай лопаткой, — усмехнувшись, он заботливо выпускает меня, отходит на шаг назад и тянется за инструментом. — Держи.

— Спасибо.

Я начинаю переворачивать креветки, а Оуэн добавляет

щепотку копчёной паприки, хлопья чили, немного соли и цедру лимона. От сковороды поднимается тёплый сливочный пар с яркой цитрусовой нотой, а вместе с ним и неловкая пауза. Будто случилось что-то особенное.

Но ничего не случилось.

Так почему мы не можем дальше продолжить разговор и сделать вид, что меня не колотит от этого мимолётного прикосновения?

— Твои родители, — откашлявшись, продолжает Оуэн, — говорили, что ты могла бы не работать в кафе. Что это значит?

— Папа владеет строительной компанией. Хочет, чтобы я работала в семейном бизнесе и помогала его расширять. И один из способов усилить влияние и укрепить положение на рынке — выйти замуж за правильного парня.

— Правильного?

— Да. Армянина с хорошей родословной. Звучит как что-то из книг Джейн Остин, да?

— Но твои же родители не будут насильно тебя выдавать замуж.

— Нет, но они настойчиво пытались отправить меня на свидание. Я на самом деле потому и наврала про тебя.

— Получается, чтобы не идти на одно свидание, ты пошла на другое?

— Получается так.

— Ну, я рад, что в этом поединке ты выбрала меня.

— Я не выбирала. Ты меня вынудил.

— Но ты же не можешь отрицать, что хорошо проводишь время?

— Не обольщайся! — я отворачиваюсь от убийственно милой улыбки засранца и начинаю вливать сливки к креветкам, помешивая соус.

Сливки моментально смягчают шипение, обволакивают креветки, смешиваются с маслом, чесноком и паприкой в густой золотистый соус. Оуэн убавляет огонь, добавляет немного воды из-под пасты, которую мы уже успели поставить вариться, и кивает на сковороду:

— Не давай сливкам свернуться и не передержи креветки. Соус должен стать шелковистым, а не превратиться в омлет из морепродуктов.

— Ты такой душный, оказывается!

— Я просто умничаю... Стой, давай вот так! — Он внезапно обнимает меня со спины, накрывает мою руку с лопаткой своей тёплой ладонью, и я на мгновение теряю ориентацию в пространстве. Становится очень жарко. Щёки покрывает колючий румянец, а внизу живота начинает сильно тянуть.

— Вот так, вымешиваешь... — тихо говорит он, полностью сосредоточившись на соусе. — Не давишь, просто ведёшь лопатку по дну, чтобы всё соединилось.

— В этом заключался твой план? — нахожу в себе силы сказать саркастично, только чтобы не выдать неуместно-

го волнения.

— План сделать соус, после которого ты влюбишься в меня? Если так, то да, отличный план.

— Не думаю, что тебе это нужно. Я про это...

— Про что? — включив дурака, Оуэн ловит мой взгляд из-за плеча.

— Совсем необязательно держать меня за руку, чтобы объяснить, как мешать это зелье.

Улыбка Макалистера становится ещё шире, и я чувствую, как его большой палец начинает медленно гладить мою руку. Простое движение, но оно ощущается слишком остро и интимно.

— Необязательно, — понижая голос, признаётся он. — Но очень хочется.

И, о нет, он опускает взгляд на мои губы.

— Оуэн...

Чувствую его дыхание, и по телу пробегает приятная судорога.

Да что со мной?!

— Расслабься, Жасмин, сегодня у нас в планах только платоническая любовь.

Макалистер наконец-то отлипает от меня, снимает креветки с огня и делает вид, что его ладонь — это чек, который вылезает на кухне, когда в зале пробивают заказ.

— Итак! На первый стол — тальятелле с креветками в сливочно-чесночном соусе. На второй — салат с инжиром,

грушей, козьим сыром и орехами. И десерт — шоколадное суфле для парочки за третьим столом. Работаем, работаем! Микаелян! — обращается он ко мне командной интонацией. — Чего стоишь? Давай за работу!

Я, хихикнув, оббегаю его и тянусь к большим тарелкам.

Оуэн начинает выкладывать ингредиенты точно, как делают это в фильмах про крутых шеф-поваров: сначала паста, закрученная аккуратным гнездом, сверху креветки, потом ложка соуса, немного петрушки, лимонная цедра и щепотка перца. Затем достаёт из духовки шоколадное суфле, которое успел подготовить, пока я неуклюже готовила креветки.

Я принимаюсь сервировать стол в зоне у камина, и уже через десять минут мы сидим друг напротив друга при мягком мерцании свечей. Сейчас всё выглядит очень романтично, и вопреки всем моим установкам, это совсем не раздражает. Я ни разу за вечер мне не захотела сбежать или закатить глаза.

— Вина?

— Можно, — киваю и передаю ему бокал.

— Ты всё ещё хочешь вырубить меня бутылкой и угнать мою тачку?

— Не надо передёргивать. Это был изначально твой план!

— Но ты его всерьёз рассматривала, учитывая, как сопротивлялась идти со мной на свидание.

— Я не настолько сумасшедшая, — уже не пытаюсь держать лицо непробиваемой стервы, открыто улыбаюсь.

Оуэн тоже смеётся, ставит передо мной бокал и возвращается на своё место. Но когда смех постепенно стихает, мы встречаемся глазами, и атмосфера в резко меняется. В его зрачках отражается огонь от свечей и, мне кажется, это настолько опасным и притягательным, что я невольно сжимаю коленки. Не помню, чтобы кто-то вызывал у меня подобные ощущения.

И почему здесь так жарко? И душно. Совсем нет кислорода.

— Тебе нравится? — вдруг спрашивает он с едва ощутимым волнением в голосе.

— Да, — признаюсь я, даже не успев обдумать, к каким последствиям может привести этот ответ.

— Тогда за прекрасный вечер и твою... улыбку, — Оуэн поднимает бокал и тянется ко мне.

— И прекрасный ужин, — поддерживаю я, соединяя наши фужеры в звонком соприкосновении.

— И наше первое свидание...

Я не осмеливаюсь добавить «и последнее», потому что теперь и сама не уверена, что не захочу хочу всё это повторить.

Глава 8. Предложение

Ками.

Чёртов будильник!

— Сандра, выключи уже наконец свою тарихтелку, ну невозможно же! — я поднимаю голову, вижу, что моя подружка даже не шевельнулась, и решаю запустить в неё подушкой.

— Слышишь, жаворонок!

— М-м... Ками, ты чего? — она сонно поворачивается ко мне.

— Будильник! — шиплю я и утыкаюсь лицом в одеяло.

— Выруби его, пока я не встала и не разбила твой телефон!

Судя по шороху постели, Сандра всё-таки встаёт и наконец-то выключает ненавистную мне мелодию.

— Благодарю!

— Ты такая ворчунья, — хихикнув, она шлёпает босыми ногами к кухне.

Я ещё какое-то время валяюсь в кровати, но умопомрачительные запахи с кухни заставляют меня подняться. Моя подруга — талантливый кондитер и ресторанный повар, поэтому, пока она у меня живёт, я стараюсь взять от этого периода максимум. Сани думает, что я не разрешаю ей платить за аренду, потому что она моя подруга и так я поддерживаю её в сложный период. Это тоже правда. Но по большей части я вообще не чувствую, что она мне обязана, потому что го-

това сама ей платить, лишь бы она продолжала готовить.

— Твои сырники — это любовь, клянусь, я хочу выйти за них замуж!

Сандра хихикает и подкладывает мне ещё один сырник со сковороды.

— Какие у тебя сегодня планы? — спрашиваю я, уплетая завтрак.

— Хочу ещё посидеть, подумать над блюдами, которые планируем ввести после Нового года, а во второй половине дня приехать в Echo Coffee проработать пару блюд.

— М! — я приободряюсь. — Кстати, хотела с тобой обсудить идею с запуском протеиновых смузи и прочего. А то у нас фитнес-меню есть, а из напитков — ничего, кроме свежесжатого сока и воды.

— А вы сможете их делать? У вас же бар не приспособлен.

— Думаю, мы можем пока отдать это кухне.

— Давай подумаем. Такер не против?

— Он мне уже всё согласовал. Учитывая, как разлетаются твои низкокалорийные десерты, напитки, думаю, тоже пойдут на ура. Все хоккеисты района будут наши!

— Они и так ваши, — хихикает Сандра.

— О, лёгок на помине, — демонстрирую телефон со звонком от Такера, — Увидимся после обеда.

Я подсказываю из-за стола и бегу в комнату, ответить на звонок и начать сборы на работу.

— Да, босс, если ты звонишь отчитать меня за опоздание,

то хочу напомнить: я вчера закрывала смену и договорилась, что Тони придёт пораньше! — начинаю сразу с козырей, не дав Такеру даже слова вставить.

— Похвально, но я звоню не для этого, — отвечает он, и я слышу звук включённых поворотников. — Ками, я сегодня еду на важную встречу и совсем забыл об одном деле.

— Так, — я присаживаюсь рядом с телефоном, лежащим на кровати, с кардиганом в руке. — Это дело нужно сделать мне?

— Да. На самом деле мне кажется, ты даже лучше для него подходишь, чем я.

— Выкладывай, — со вздохом начинаю натягивать пушистую ткань через голову.

— В университете Святого Лаврентия в этом году ввели программу «Живой бизнес». Различных предпринимателей города приглашают поделиться опытом, рассказать о своём деле с точки зрения реальной жизни и заинтересовать студентов развитием в той или иной сфере.

— Как будто их там интересует что-то, кроме льда, — усмехнувшись, я продолжаю одеваться.

Пока не понимаю, к чему ведёт Хейз, но могу предположить: задача будет заключаться в подготовке какой-нибудь презентации или доклада.

— Там учатся не только спортсмены.

— Знаю, но их там достаточно много.

— Именно поэтому и ввели программу. Многие студенты

настолько заикливаются на спорте, что после неудач не видят других перспектив. Университет хочет показать им, что в жизни ещё много интересного и важно хотя бы пытаться смотреть шире.

— Звучит как рабочая история, — соглашаюсь я и принимаюсь рисовать тонкую стрелку на глазу. — Так что от меня требуется?

— Провести лекцию за меня.

От неожиданности у меня дёргается рука, оставляя уродливую линию мимо века.

— Вай, ара... да чтоб тебя!

— Ками? Ты там по-русски ругаешься или по-армянски?

— По-турецки, — фыркаю и тянусь за ватным диском. —

Что значит «провести лекцию за тебя»?

— То и значит. Рассказать, как устроен бизнес, с какими проблемами приходится сталкиваться, поделиться чем тебе нравится эта сфера.

Я продолжаю сидеть и пялиться на своё отражение в зеркале со страшной стрелкой на правом глазу.

Какая лекция? Все знают меня как бариста из соседней кофейни. Никто и слушать не будет.

— Ками? Ты тут?

— Нет.

— Что значит «нет»?

— Я не смогу провести лекцию.

Теперь Такер молчит. Видимо, осознаёт, что предложил

какую-то ерунду. Слышу, как он тихо ругается, глушит мотор, отключает громкую связь и хлопает дверцей машины.

— Камилла, ты не раз это делала. Начиная с защиты проектов в университете и заканчивая презентациями новых идей по Echo Coffee для меня. Ты прирождённый предприниматель. В тебе есть и творческая жилка, и системный подход, не говоря уже об опыте «в полях» и понимании сервиса почти на клеточном уровне.

Щёки розовеют, потому что я ни разу не слышала от Хейза такого количества лестных слов. У нас с ним прекрасный рабочий тандем, но я никогда не ждала от него прямой похвалы. То, что он в принципе согласовывал мои идеи и давал на них бюджет, для меня всегда было выше всякой награды.

— Ты это говоришь только, чтобы я согласилась?

— Нет! — отрезает он. — Конечно, я хочу, чтобы ты согласилась, иначе я подведу хороших людей. Но говорю искренне и правда так считаю.

Я мотаю головой из стороны в сторону. Он этого не видит, но, скорее всего, догадывается, что я всё ещё сомневаюсь.

— Ками, в тебе это уже есть. Ты знаешь внутреннюю часть бизнеса не хуже меня. Сколько мы всего с тобой прошли?

— Такер, для студентов я та самая бариста из соседнего кафе! Ты как себе это представляешь? Чтобы я такая пришла и начала их жизни учить?

— Это ничего не меняет. Ты моя правая рука и...

Хейз замолкает. Слышу, как шаркают его ботинки по ас-

фальту.

— Такер?

— Хотел сказать тебе лично, но раз такое дело... В общем, со следующего месяца хочу сделать тебя управляющей Echo Coffee.

— Ты сейчас серьёзно?

На одно утро слишком много шокирующих новостей. Мой босс, видимо, решил устроить мне эмоциональные горки вместо контрастного душа, чтобы я побыстрее проснулась.

— Абсолютно серьёзно. Мы ведь с тобой ещё на этапе собеседования это обсуждали: ты пришла в Echo развиваться, и я был готов помогать тебе в этом.

— Но для большинства студентов я всё равно девчонка за баром.

— Так измени это. Всё в твоих руках. Тем более, если ты придёшь на лекцию и представишься управляющей кафе, то станешь наглядным примером карьерного роста.

— Это безумие! — я начинаю активно заплетать волосы и крепить их на макушке в виде объёмного пучка.

— Основа нашего бизнеса, — смеётся Такер. — Так что, мы договорились?

— Когда лекция?

— В пятницу. Поэтому даю тебе три дня выходных. Подготовься как следует. Пункты программы, которые от нас ждут, я уже выслал тебе на почту.

На что я подписываюсь?

Вмиг паника охватывает всё моё тело, руки начинают трястись, а лицо становится бордовым.

— Я не смогу... — почти скулю, пряча лицо в ладонях.

— Сможешь! — безапелляционно отрезает мой босс, и в его голосе не чувствуется ни грамма сомнения.

Трёх дней оказалось более чем достаточно для подготовки. По большей части потому, что весь материал у меня уже был, да и всегда проще рассказывать о том, в чём хорошо разбираешься. Это не заучивать лекцию, которая тебя не особо вдохновляет. Больше всего времени я потратила на презентацию: каждую мысль нужно было уместить в одну ёмкую фразу или проиллюстрировать подходящим изображением. Иначе никто не будет читать талмуд текста, который я и так собираюсь вещать с кафедры.

Оуэн:

«Жасмин, Тони делает отвратительный кофе. Если ты решила уволиться и уехать из страны, то знай: на твоей совести будут сотни заваленных эссэ».

Со дня нашего свидания с Оуэном мы больше не виделись. На следующий день он впервые не появился в кофейне в мою смену. Я постаралась проигнорировать этот факт, ведь мне было совершенно всё равно, понравилось ему или нет. Хочет ли он повторить или мы квиты.

Мне было всё равно!

Но я продолжала вздрагивать от каждого звона колокольчика, оповещающего об открытии двери и приходе нового гостя.

Я даже отпустила Тони пораньше и задержалась допоздна, чтобы закрыть кафе и...

Нет-нет-нет, не потому что мне хотелось дать Оуэну шанс появиться и пофлиртовать со мной. Не поэтому я решила убить вечер на уборку кофейни.

Прошло три дня, и вот он пишет сообщение, будто ничего не произошло?

Но ведь действительно ничего не произошло. Мои ожидания — мои проблемы. Парень хотел свидание — он его получил. А то, что не позвонил и не написал на следующий день, выглядит как классический приём пикапа: «заинтересуй и исчезни».

— Ну уж нет, Макалистер, я в эти игры не играю! — хватаю телефон и злобно строчу сообщение.

Ками:

«Переживёте».

Оуэн:

«Кто-то не в духе? Как дела?»

Не отвечай. Не отвечай. Не отвечай.

Ками:

«Прекрасно».

Оуэн:

«Увидимся? Я попробовал сделать дома гату, мне

нужно мнение эксперта».

Не улыбайся. Не смей улыбаться. Не...

Губы растягиваются так широко, что мне становится стыдно за собственную гордость. Как он это делает? Я столько времени умудрялась вообще не поддаваться его обаянию, а тут одно сообщение — и меня накрывает, как сопливую девчонку.

Ками:

«Занята».

Оуэн:

«Ты можешь прекратить ставить эти точки? Выглядит устрашающе».

Ками:

«Нет».

Оуэн:

«Почему тебя нет в кофейне? У тебя что-то случилось?»

Ками:

«Просто выходные».

Зачем я отвечаю? Мне же не должно быть интересно.

Оуэн:

«Ты дома?»

Два слова, а сердце будто дефибриллятором завели. Дыхание сбивается. Эта фраза звучит слишком горячо, я словно не прочитала её, а услышала томной интонацией над ухом. Его интонацией.

Оуэн:

«Давай приеду?»

А нет. Вот эти слова звучат куда более волнующе. Я вмиг краснею, внизу живота что-то стягивается и всё тело передергивает от резкого возбуждения.

Это что за новые ощущения?

Как ошпаренная быстро смахиваю с экрана мессенджер с перепиской и отбрасываю телефон. Никакого флирта по переписке. И тем более никаких подобных сообщений. Снова хватаю телефон, бросаю его в ящик стола и ухожу в душ, чтобы не дать себе ответить. Ведь если я возьму его в руки, то точно отправлю «да» вместо «нет».

После ледяного душа, который мне всё же пришлось устроить, чтобы охладить голову и заставить её не думать об Оуэне, на экране высвечивается ещё одно сообщение. Его я тоже оставляю без ответа.

Оуэн:

«Ками?»

Не Жасмин.

Я слышу в своей голове, как он произносит моё имя низким, томным голосом с лёгкой хрипотцой.

«Ками...»

Уже не флиртует. Не шутит, не издевается.

Будто закладывает в него больше, чем показывает.

Глава 9. Я не ревную

Ками.

Я вхожу в просторный холл университета, крепко прижимая к груди планшет, будто если выпущу его из рук, то моё сердце остановится и я умру прямо здесь, под прекрасной статуей, возвышающейся в центре входной группы.

Свой университет я давно закончила, сдала все экзамены и пережила все возможные стрессы, которые учёба преподносит студенту. Но весь этот опыт и понимание, что я уже взрослая самостоятельная личность, которая знает, что делает, не помогают. Меня трясёт как первокурсницу, впервые оказавшуюся в месте, где она мечтала учиться, и теперь всё вокруг кажется слишком большим, серьёзным и страшным.

— Добрый день, я Камилла Микаелян. Пришла провести лекцию по программе «Живой бизнес», — сообщаю я девушке за высоким столом в инфоцентре.

— Здравствуйте! — девушка начинает что-то вбивать на компьютере, затем встаёт, отходит за угол стойки и возвращается с ключами. — У вас аудитория 256. Можете проходить, готовиться. Специалиста по настройке оборудования я сейчас к вам пришлю.

— Благодарю.

В аудитории пусто, и я даю себе пару минут выдохнуть. Вскоре приходит мужчина из технической службы и помо-

гает мне вывести презентацию на большой экран. До начала пары остаётся несколько минут, и я ухожу в небольшой кабинет при аудитории, чтобы поправить макияж и настроиться.

Сквозь закрытую дверь слышу, как помещение наполняется студентами. Голоса, смех, скрип сдвигаемых стульев, чей-то громкий спор — всё сливается в один гул. Потом звучит звонок, оповещающий о начале занятия.

— Да чего я так волнуюсь? — шепчу собственному отражению.

Может быть, потому что за этой дверью сидит целый зал незрелых парней и девчонок, которые, скорее всего, будут всю пару дурачиться и смеяться над тем, что к ним вместо владельца бизнеса вышла бариста, которая варит для них кофе.

— Сможешь! — вспоминаю уверенную интонацию Таке-ра.

Если уж он считает, что я на своём месте, то мнение каких-то детей меня точно не волнует.

Детей?

Вся парадоксальность ситуации заключается в том, что эти дети — мои ровесники.

— Плевать. Не таких борзых осаживали, — фыркаю себе в отражение и с гордо поднятой головой выхожу в аудиторию.

На секунду голоса становятся тише. На меня поворачиваются десятки лиц: скучающие, любопытные, сонные и, есте-

ственно, скептические. Кто-то уже открыл ноутбук, кто-то сидит с кофе из нашего же кафе, даже не пытается скрыть, что пришёл просто отсидеть пару.

Прекрасно.

Обожаю тёплый приём.

— Всем добрый день, меня зовут Камилла, и сегодня я расскажу вам...

— Это же бариста из Echo Coffee! — выкрикивает кто-то с верхних рядов, и по аудитории прокатывается лёгкий смешок.

— Да, спасибо, что напомнили, — комментирую я, делая вид, что это высказывание вообще меня не задело. — Многие из вас действительно знают меня как человека, который варит для вас кофе. И это правда. Потому что быть предпринимателем — не всегда про положительный баланс на карте, кожаное кресло в крутом кабинете с видом на небоскрёбы мегаполиса, обеды в дорогих ресторанах и множество подчинённых, готовых выполнить любое ваше желание.

— Так если это не так, что мы тут делаем? — снова подаёт голос остряк с верхних рядов, и аудитория оживляется.

— Вы здесь, чтобы выйти в реальный мир без розовых очков, — тут же отвечаю я особо активному парню.

На этот раз смеются громче, но уже иначе.

Хорошо. Первый раунд за мной.

— Для вас я бариста. Но по документам я управляющая ресторана, где вы каждый день обедаете, получаете сервис

и приходите за кофе между парами. И чтобы в зале было чисто, официанты вовремя выносили еду, повара готовили строго по технологическим картам, себестоимость не съедала прибыль, а гости день за днём возвращались именно к нам, — за всё это отвечает предприниматель и его управляющая команда. С главой этой команды вы как раз сейчас познакомились.

В зале становится чуть тише.

— А разве управляющие варят кофе? — не сдаётся парень сверху.

— Вы правы, это обязанность бариста, — киваю я. — Но, как я уже сказала, реальный бизнес редко выглядит так красиво, как в презентациях. Если в смене не хватает рук, хороший управляющий не стоит в стороне и не ждёт, пока система рухнет. Он встаёт за бар, помогает на выдаче, закрывает конфликт с гостем и делает всё, чтобы заведение продолжало работать.

Кажется, теперь меня слушают.

— Давайте начнём с самого начала. Я расскажу, на чём строится рынок общественного питания, какие ключевые вещи должен учитывать предприниматель, если хочет открыть кафе или ресторан, и поделюсь решениями, которые помогли нашему заведению вырасти до средней дневной выручки в пятнадцать тысяч долларов.

После озвучивания цифры по залу прокатывается волна удивления. Девушки бросают свои дела и садятся удобнее,

парни меняют вальяжные позы на более заинтересованные, опираются на парты, а некоторые даже открывают блокноты.

— Ну что, готовы записывать рецепт успеха? — с усмешкой спрашиваю я, довольная, что смогла завладеть вниманием аудитории.

Парни начинают гудеть, девчонки активно кивают, и я запускаю первый слайд.

Я рассказываю о локации, потоке гостей, среднем чеке, себестоимости, почему красивый интерьер не спасёт место, где еду выносят сорок минут. Объясняю, как меню должно не просто нравиться владельцу, а продаваться, как важно считать маржинальность позиций и почему иногда блюдо, которое все хвалят, выгоднее убрать, чем держать ради статуса.

Потом мы переходим к сервису.

Кто-то спрашивает, почему в одном месте официант может спасти вечер, а в другом — испортить даже хороший ужин. Кто-то интересуется, как реагировать на негативные отзывы.

И я вдруг понимаю, что мне нравится.

Нравится говорить с ними, видеть, как скепсис сменяется интересом, объяснять не сухую теорию из учебника, а живую систему, которую я сама изучила руками, ногами, нервами и сорванными сменами.

Я не замечаю, как пролетает время. Ребята оказываются очень активными: задают вопросы, интересуются деталями, комментируют, спорят, предлагают свои идеи. Из-за этого я

не успеваю пройти весь материал и добираюсь только до середины презентации.

Звонок обрывает нас на блоке «Маркетинг и коммуникации».

— Что ж, не смею больше вас задерживать, — с улыбкой заканчиваю я и отхожу к столу.

— Подожди! — снова активизируется парень с верхних рядов, который не умолкал с самого начала лекции и веселил всех шутками и комментариями. — Ты же самое главное не рассказала!

— Я оставлю вам презентацию, если интересно.

— Интересно!

— Но нам нужна ещё одна лекция!

— А можно целый курс?

— А давайте вместе ресторан откроем?

Предложения сыпятся со всех сторон, и я начинаю искренне улыбаться.

— Так, друзья мои, давайте притормозим. Если следующая лекция не противоречит плану программы, я с удовольствием её проведу.

Студенты снова наперебой начинают одобрительно гудеть и выкрикивать, как им понравилась сегодняшняя пара.

Почти всю перемену я отвечаю на дополнительные вопросы подходящих ребят и принимаю слова благодарности. И с каждым новым «спасибо» внутри становится чуть теплее. Не потому что я внезапно стала великой бизнес-гуру. Нет.

Просто впервые за долгое время кто-то увидел во мне не девочку за стойкой, не дочь Тиграна Микаеляна, не упрямую армянку, которая «всё делает назло семье».

А специалиста.

Человека, которому есть что сказать.

После того как в аудитории становится пусто, я собираю вещи и направляюсь вниз по огромной деревянной лестнице. Она придаёт холлу университета масштаб и винтажный шарм, будто здесь не студенты бегают на пары, а молодые интеллектуалы прошлого века обсуждают философию, революцию и театр.

Спустившись наполовину, замечаю возле статуи с фонтаном группу студентов. Они смеются и довольно громко что-то обсуждают. Я бы и головы не повернула, если бы не знакомый смех. Если бы не имя, которое в последнее время я произносила чаще, чем «капучино на миндальном». Если бы не...

— У нас с Оуэном были дела поинтереснее, Коул, поэтому не завидуй! — тоненький голосок девушки заставляет меня посмотреть на ребят.

И в этот самый момент пара карих глаз ловит мои в ловушку. Я смотрю на Оуэна всего пару секунд, но даже их хватает, чтобы он прочёл в моём взгляде разочарование.

Девушка заливисто смеётся. Её рука лежит на плече Макалистера — легко, собственнически, будто сообщает всем вокруг: парень занят.

Я ускоряю шаг и быстро направляюсь к выходу.

Мне всё равно.

Я не ревную.

Преодолев холл и первую входную дверь, выбегаю на улицу и глубоко вдыхаю холодный воздух. Сердце колотится, глаза начинает щипать от слёз.

Этого нам ещё не хватало.

— Ками!

Вот не надо так меня называть!

Хочется крикнуть ему в лицо, потому что он только что лишился права произносить моё имя. Но и здесь мне нужно сдержаться. Я не могу показать эмоции. Он только этого и ждёт: признания, что мне понравилось, что он меня заинтересовал, что я хотя бы на секунду поверила во всё это.

Но это не так.

Я не злюсь.

И совершенно точно не хочу предъявить ему за тупое, легкомысленное поведение, достойное незрелого подростка, который не может и суток продержат свой член в штанах и никуда его не всунуть!

Нет.

Я очень спокойная.

Я...

— Камилла, подожди... — он останавливает меня, хватая под локоть.

С

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.